

КОЛЕКЦИЈА РАЗНОЛИКОСТ
НА МЕЃУНАРОДНИОТ ПЕН

КОЛЛЕКЦИЈА МНОГОЛИКОСТЪ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕН-КЛУБ

DIVERSITY COLLECTION
OF PEN INTERNATIONAL

ТОМ 7

VOL. 7

Катица Кулавкова

**КОГА НИ ГОРЕШЕ
ПОД НОЗЕТЕ**

Катица Кюлавкова

**КОГДА У НАС ГОРЕЛО
ПОД НОГАМИ**

Перевод с македонского на русский *Ольги Панькиной*

Издавач
РОЕТИКИ

Катица Ќулавкова
КОГА НИ ГОРЕШЕ ПОД НОЗЕТЕ

Превод од македонски на руски:
Олга Панкина

Дизајн на кориците:
Васил Филијов, според слика на Фехим Хусковиќ

Скопје, 2013
Печатено во Македонија
© РОЕТИКИ

Издатель
РОЕТИКИ

Катица Кюлавкова
КОГДА У НАС ГОРЕЛО ПОД НОГАМИ

Перевод с македонского на русский
Ольги Панькиной

Дизайн обложки *Васила Филијова*
по картине *Фехима Хусковича*

Скопье, 2013
Отпечатано в Македонии
© РОЕТИКИ

Во поџрага по среќа и хармонија

Каџица Кулавкова – поет, есеист и теоретичар на книжевноста – се вбројува меѓу најистакнатите и најоригиналните писатели на современата македонска книжевност. Во нејзиното творештво е вградена моќната национална културна традиција, која појекнува уште од времето на создавањето на словенската писменост, и широко кореспондира со светското уметничко искуство. Тоа творештво, органично поврзано со остварувањата на националната поезија (Б. Конески, Г. Тодоровски, А. Шойов, М. Маџевски и др.), лириката на оваа поетеса ја изразува креативната енергија на македонската книжевност, нејзиното интензивно и возвишено подем. Придонесот на Каџица Кулавкова во националната уметничка книжевност е признаен и со голем број книжевни награди. Меѓу нив е и пресветата награда која го носи името на Браќата Миладиновци, а која се доделува во рамки на Меѓународното поетски фестивал „Сџрушки вечери на поезијата“.

Каџица Кулавкова е родена во Велес (1951) – град кој, во светата на Македониите, е тесно поврзан со името на Кочо Рацин (1908–1943), основателот на современата македонска книжевност и ишувана на кодифицираното македонски јазик. Таа е поетеса на лирската хармонија: емоционалното интензивно на нејзините стихови суштествено и органично е поврзано со длабокото

В поискач счастья и гармонии

Каџица Кулавкова – поет, эссеист, теоретик литературы – принадлежит к числу наиболее ярких и оригинальных дарований современной македонской литературы. Ее творчество вобрало в себя мощную национальную культурную традицию, уходящую корнями в эпоху создания славянской письменности, и широко корреспондирует с мировым художественным опытом. Органично связанная с достижениями национальной поэзии (Б. Конеский, Г. Тодоровский, А. Шойов, М. Маџевский и др.), лирика поэтессы является выражением творческой энергии македонской литературы, ее интенсивно и всестороннего роста. Вклад Каџицы Кулавковой в национальное искусство слова отмечен рядом литературных премий. В их числе и такая пресветая награда, как премия имени Братьев Миладиновых, которая вручается во время международного поэтического фестиваля «Сџружские вечера поэзии».

Каџица Кулавкова родилась в Велесе (1951) – городе, в сознании македонцев прочно связанном с именем Кочо Рацина (1908–1943), основателя македонской литературы на македонском языке. Это поэтесса лирического склада, эмоциональная и напряженность ее стиха тонко и органично сочетается с глубоким интеллектуальным началом.

интелектуално начело. Тоа е главна карактеристика на делата на современите македонски писатели (мнозина од нив се професионални филолози). Поезесата не само што твори книжевност, туку и ја истражува книжевноста. И сферата на нејзиниот научен интерес во значителна мера е поврзана со поезијата. Кашица дипломираше на Филозофско-историскиот факултет (денес филолошки) на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, а потоа магистрираше на Катедрата за јужнословенски книжевности, кога ја брани својата теза на тема „Метафората и современата македонска поезија“. Потоа, на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Загреб (Хрватска) ја одбранила докторската дисертација на тема „Специфичните својства на лириката“. Во моментов, Кашица работи како професор на Катедрата за оштра и компаративна книжевност на Филолошкиот факултет на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. Таа е редовен член на Македонската академија на науките и уметностите (МАНУ).

Во книжевноста, Кашица Кулавкова дебитира во првата половина на 1970-тите години. Таа веднаш го свртува вниманието на критичариите, како автор кој се обидува да каже нешто ново во националната книжевност. Таа меѓу првите чувствува дека, оштриот занес од метафората, под чијшто знак се развива македонската лирика и постигнува големи успеси кон крајот на 1950–1960 години, се заканува да се претвори во шаблон. Генерацијата која стайува на поетската сцена во 1970-тите години, чувајќи ја љубовта кон блескавата вообразба (метафоричност), си го бара својот пат. Така,

Для ряда современных македонских писателей (многие из них профессиональные филологи) это весьма характерная черта. Поэтесса не только создает литературу, но и исследует ее. Сфера ее научных интересов в значительной степени тоже связана с поэзией. Кашица закончила философский факультет университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, затем училась в магистратуре при Кафедре югославской литературы и защитила диссертацию на тему «Метафора и современная македонская поэзия». Впоследствии на философском факультете университета в Загребе (Хорватия) она защитила докторскую диссертацию на тему «Специфические свойства лирики». Кашица работает профессором кафедры общего и сравнительного литературоведения филологического факультета университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. Она является академиком национальной академии наук и искусств Македонии (МАНУ).

Литературный дебют Кашицы Кулавковой состоялся в первой половине 1970-х гг. Она сразу обратила на себя внимание критики как автор, пытающийся сказать новое слово в национальной литературе. Одной из первых она почувствовала, что всеобщая увлеченность метафорой, под знаком которой развивалась и достигла больших успехов национальная лирика в конце 1950-1960-е гг., грозит превратиться в шаблон. Поколение, вступившее на поэтическое поприще в 1970-е гг., сохраняя любовь к яркой образности, искало свой путь. Первый поэтический сборник Кашицы Кулавковой «Благове-

веќе првата њоејска збирка на Катица Кулавова „Благовести“ (1975), сведочи за пројавувањето интерес во македонската поезија кон еден нов вид лирско творештво, кое обилно ги користи иронијата, њастиишој, новиој култивирани, ијровиј однос кон книжевната традиција („Аки“, 1978). Во 1980-иите години, Катица се формира како зрел автор. Таа пишува интелектуална поезија, наменета за образованој читател, способен да се ориентира во широкој уметнички њојтекст на нејзините њоејски творби – „Нашиој согласник“ (1981), „Нова њој“ – (1984). Нејзината лирика е њолна со алузии, реминисценции и цитати од многу њознаи автори од светската книжевност, од Софокле до Франц Кафка и Умберто Еко. Поејесата не кани во нејзината творечка лабораторија, го њојкрева превезој на њаинствение творби, њтворено зборува за начиној на њојребата на своите, или на њуѓите изразни средства. Таа њосњојано и убедливо ги њокажува главните карактеристики на поезијата на њосњојаната ењоха: асоцијативната врска со њрејходната книжевност, цитатноста, интелектуализмој, кршењето на семожните правила и каноњи. Песната „На нењознаиој“ се вбројува во инњертекстуалната низа заснована врз асоцијацијата со една од најњознаиите и најњојуларните њесни во Македонија на Александар Блок „Нењознаиата“, како и со нејзините рефлексии кај класикој на националната книжевност Блаже Конески. Конески (кој го има многу усјешно њрејеано А. Блок), ињо њака, има њосвета „За нењознаиата“, њод којашњо се јавуваат стихови на А. Блок.

стињы» («Благовести», 1975) свидетелствувал о зарождени во македонској њоези инњереса к њовому њињу лирическоњо творчества, широко исњользуњењо иронию, њастииш, култивируњење њовое, ијровое, њојношение к лињературној традицији («Аки», 1978). Во 1980-е гг. Катица – уже зрелиј сформираниши автор. Она њишеј инњеллектуалнују њоезију, расцњњаннују на образованоњо читател, способноњо ориентировањења в широком художественном њодњексте ее стихотворений («Наши согласный» – «Нашиој согласник», 1981; «Новый њој» – «Нова њој», 1984). Ее лирика насыњена аллњузиами, реминисценциами и цитатимаи из мноњих выдањующихся авторов мировой лињературы, њој Софокла до Франца Кафки и Умберто Эко. Поејеса њрињлашаеј в своју творческују лабораторију, њрињоднимаеј њокровы њайны творчества, њојкрыњо рассуждаеј об исњользовании њех или иных выразињельных средств. Она њоследователно и убедително демонстрируеј главные особенности њоези инњосњојанској эњохи: асоциативнују свњязь с њредшесњвующеј лињературој, цитатностњ, инњеллектуализм, нарушение всевозможных правил и зањрењов. Стихотворение «Незнакомцу» («На нењознаиој») вњисываејся в инњертекстуальный ряд, основанный на асоциации с одним из самых известных и в Македонињи њојулярных стихотворений Александра Блока «Незнакомка», а њакже с њњкликами на нењо у классика национальной лињературы Блаже Конескоњо. У Конескоњо (мноњо и усјешно њреводившењо А. Блока) њњже ењњь стихотворение «Незнакомке», эњињрафом к којњорому являњиши стихи А. Блока.

Поезијата на Каџица Кулавакова ја карактеризира оџфрлањето на книжевноста како „објективен опис на реалноста“. Тоа може да се открие во импулсите на симболизмот и на неосимболизмот, бележита за македонската поезија во 1980-тите години. Лириските принципи во нејзините стихови е вичајливо присутен, што е во сировината со уште една карактеристика на феноменот на современата поезија – прозаизацијата. Карактеристична црта на стиховите на џоевсајта се зголемената чувствителност и сензуалност, особено забележливи во делата со џубовна тематика.

Во 90-тите години, Каџица Кулавакова ги објавува џоевските збирки „Домино“ (1992) и „Изгон на злото“ (1997). Насловот на збирката „Домино“ го изразува, во исто време, и принципот на лудистичката џоевика и принципот на контрастот, антистетичноста на расположенијата спрема филозофското, спрема длабоката суштина на космосот и за човековата живој. Сликата на времето – основата на оваа книга – исрејлетена е со мотиви од древни магични текстови, со астрологијата, со чудесното и неизвесното, што отсекогаш го мамело и го привлекувало човека („небесен текст, мистериозно шифриран“). Авторката размислува за вечниот човеков стремеж кон идеалното и за неизбежниот контракт со суровата реалност. Во збирката „Изгон на злото“ се користат обилно мотиви од античката драма, се јавуваат слики на трагичните хероини Касандра и Клитемнестра. Поевсајта експериментира со уметничката форма, обидувајќи се да ја „врати“ лириката кон исконој, кон она време кога уметноста

Поэзии Каџицы Кулаваковой характерно нейриятши лириатуры как «объективного описания действительности». В ней можно обнаружить импульсы символизма и неосимволизма, заметные в македонской поэзии 1980-х гг. Лирическое начало в ее стихах отчетливо присутствует, в противовес другому характерному явлению современной поэзии – прозаизации. Отличительной чертой стихов џоевсајта является повышенная эмоциональность и чувствительность, особенно заметные в произведениях с любовной тематикой.

В 90-е годы Каџица Кулавакова опубликовала џоэтические сборники «Домино» (1992) и «Изгнание зла» («Изгон на злото», 1997). Название сборника «Домино» одновременно отражает принцип игровой поэтики и контраст, антистетичность расположения в нем частей как философскую, глубинную сущность космоса и человеческой жизни. Образ времени – основной в этой книге – сочетается с мотивами древних магических текстов, астрологии, чудесным и неизвесным, что всегда манило и привлекало человека («небесный текст, тайношифрованный»). Автор задумывается над вечным стремлением человека к идеалу и неизбежным соотношением с грубой реальностью. В сборнике «Изгнание зла» широко использованы мотивы античной драмы, являются образы трагических героинь Кассандры и Клитемнестры. Поэвсајта экспериментирует с художественной формой, как бы «возвращая» лирику к истокам, к тому времени, когда искусство слова было синкретическим,

на речта била синкретична, тесно поврзана со обредот и со драмското дејство.

Новата книга на оваа авторка, што му ја представуваме на рускиот читател, „Кога ни зореше под нозете“ (2013), содржи стихови напишани меѓу 2009 и почетокот на 2013 година. Како што вели самата Катица Кулавакова, „во тој период се раѓаше идејата за самата книга, за нејзината композиција и за нејзината уметничка целина“. Збирката се состои од четири поетски циклуса, кои се разликуваат меѓу себе, и тематски, и стилски. Овие стихови наликуваат на преходното творештво по тоа што се гледани врз начелото „текст во текст“, карактеристично за овој автор, и антиitezата како принцип на поетската вообразба (имагинација). Погледот на лирската хероина е насочен не толку кон внатрешниот свет, колку кон реалноста. Границите меѓу личниот и надворешниот свет се бришат. И во едниот, и во другиот, не чекаат бројни замки – „стајници“, често замислени, но често и сосема реални тешкотии. Чувственоста и чувствителноста, тесно проникнаат во внатрешниот свет на душата и на емоциите, не рејко се потиснати, а понекогаш и се потсилуваат со ежедневни (егзистенцијални) подробности. Реалните, па дури и прозаични слики се распаѓаат и стануваат условни, благодарение на изненадата на метафората, давајќи ѝ на формата нова смисла и длабочина. Особено искрено и нежно звучи циклусот „Мама и што странствуваат“, во којшто се насликани тојли сиомени и искрена љубов кон најблиските луѓе. Мотивот за нераскинлива врска меѓу реалноста на биетиот и реалноста на по-

тесно соприкасањем с обредом и драматическим дејствием.

Новая книга автора, представляемая русскому читателю, «Когда у нас зорело под ногами» (2013), объединяет стихи, написанные с 2009 по начало 2013 года. Как отмечает сама Катица Кулавакова, «в этот период рождалась идея самой книги, ее построения и художественной целостности». Сборник состоит из четырех поэтических циклов, отличающихся между собой тематически и стилистически. С предшествующим творчеством эти стихи связывает прием «тесно в тексте», который остается функциональным для автора, и антиitezа как принцип поэтической образности. Взор лирической героини обращен не только к внутреннему миру, но и к реальности. Границы между миром личным и внешним стираются. И тут и там поджидают многочисленные ловушки-«каиканы», часто воображаемые, но нередко и вполне реальные трудности. Чувственность и чувствительность, тонкое ироничное во внутренний мир души и переживания нередко оштетняются, а иногда и усиливаются бытовыми действиями. Реальность и даже прозаичность картин разрушается и становится условностью благодаря неожиданности метафоры, сообщающей образу новый смысл и глубину. Особенно проникновенно и нежно звучит цикл «Мама и что странствуют», окрашенный тейлотой воспоминаний и искренней любовью к близким людям. Мотив неразрывной связи между реальностью бытия и реальностью настоящего

својаношо најреѓање за внатрешен дијалог со родителите, кои веќе не постојат, се реализира со помош на поетизацијата на најчестите поетски предмети и подробности од секојдневниот живот. Тие добиваат особена вредност благодарение на тојлината и нежноста на односот на родителите и децата. Толку незабележливо, но ујорно почнува да звучи кај Кашица Кулавкова една од главните теми на творештвото – темата на среќата и хармонијата во живото.

Поетската книга на Кашица Кулавкова се објавува како двојазично македонско-руско издание. Оваа практика е вообичаена последнава деценија, што заслужува тојол поздрав. Преводот на руски јазик го направи Олга Панкина, активен промотор на македонската книжевност во Русија, која дипломира на Кашица за словенска филологија на Филолошкиот факултет при Државниот универзитет во Москва. О. Панкина е добитник на неколку награди за преведувачка дејност, меѓу коишто и наградата „Кристално перо“ на Меѓународниот фестивал на поезијата „Расцвети букви“ во Русија, како и „Златно перо“ на Сојузот на преведувачите во Македонија, за 2010 година. Нејзините заслуги се крунисани со медалот на Македонската академија на науките и уметностите, кој го носи името на Блаже Конески.

Ала Г. Шешкен

Москва, март 2013 год.

напряженото внатрешно дијалога с родителите, којорых уже неї рядом, реализуеїя при помощи поэтизации самых обычных предметов и подробностей будничной жизни. Они приобретают особую ценность благодаря теплоты и нежности отношений родителей и детей. Так незаметно, но настойчиво начинает звучать у Кашицы Кулавковой одна из главных тем творчества – тема счастья и гармонии жизни.

Стихи Кашицы Кулавковой вышли в двуязычном македонско-русском издании. Такая практика распространилась в последнее десятилетие, что можно горячо приветствовать. Перевод на русский язык выполнила Ольга Панкина, активный популяризатор в России македонской литературы, выпускница кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. О. Панкина - лауреат ряда премий за переводческую деятельность, в том числе премий «Хрустальное перо» Международного фестиваля поэзии «Поющие имена» в России и «Золотое перо» Союза переводчиков Македонии за 2010 год. Ее заслуги отмечены медалью имени Блаже Конеского Македонской Академии наук и искусств.

Алла Г. Шешкен

Москва, март 2013 год.

Стапица

I

Од сон во сон

Капкан

I

О̄т сна к сну

Ти кажав, конечно

ова не е првпат
што те гледам на сон
жонглираш со жар
го разгоруваш
црното, а тоа
припиено за тебе
ти влегува под кожа
се зари во фурната
озрачено

сè е озрачено
во оваа ложа, овој полусон
и мракот светка
и свеста се тетерави
зàр фрла, зàр по зàр
за кàр, за кеф, за нар

а ти седиш опуштено, на земја
зад тебе небо –

единствена сценографија
без реквизити
небо и ништо друго
или јас не видов
зафатена од чудење.

Ни прв, ни последен пат.

Я сказала тебе, наконец

не в первый раз
я вижу тебя во сне
ты жонглируешь углями
зажигаш
черное, а оно
жаждая тебя
входит тебе под кожу
пылает в печи
пламенем

все пламенеет
в этой ложе, этом полусне
и мрак сияет
душа трепещет
играет в кости бросая за разом раз
на удачу, на счастье, напоказ

а ты сидишь безучастно на земле
за тобой небо –

уникальная декорация
без реквизита
небо и ничего больше
или я не заметила
от удивления.

Ни первый, ни последний раз.

Не знам кој ѝавол ме најџера

да те допрам по темето –
онака поштено женски
да ти штукне умот

небаре животот ми виси
на конец, во клинч
меѓу можното
и невозможното

една сосема мала смрт
беше на повидок.

'Човек има потреба од екстаза'
реков ненадејно
и се цитнав
во длабокото.

Обично влегувам пополека, кротко.

„Толку ли си жедна?“
ме праша, како да не ме праша.

Не знаю какоѓо дџявола

я погладила тебја по темечку –
так легонько по-женски
свести тебја с ума

как будто моя жизнь висит
на волоске, в клинче
между возможным
и невозможным

промелькнула
крошечная смерть.

>Человеку нужен экстаз<
сказала я вдруг
и нырнула
в глубину.

Обычно вхожу медленно, нежно.

«Тебя так сильно обуревают жажда?»
спросил ты меня, будто не меня спрашивая.

Беше ноќ на Сина месечина

кога тргнавме, едното друго
небаре едно
во небрано
по калдрмата
на стрмните улици
од Стариот град.

Мирисој на море

Не зајафна со ѝлимајџа
џи исфрли школкиџе во ѝлијќојџо
ја нанесе солиџа во коријојџо
и се ѝовлече назад
во сеќавањето.

Од умот не ми излегува и сега
оној слатко-кисел вкус
на поривот *да се биде заедно*
од врелото до грлото
и потоа, до утопија.

И сега, штом се сетам
на тоа *место што го нема*
чакрите ми се отвораат
прешлените ми крцкаат
свежо уловени јастози

Была ноќ Синей Луны

когда мы пошли бок о бок
сѝеснясь
и стеснясь
по булыжнику
крутых улиц
Старого города.

Зайах моря

зайојил нас ѝриливом
выбросил раковины на мелководье
обдал солью
и ојсѝуйил
в восѝоминания.

У меня из ума не выходит и сейчас
этот кисло-сладкий вкус
желания *быть вместе*
от жара до горла
и дальше, к утопии.

И теперь, как вспомню
это *место которого нет*
у меня открываются чакры
трещат позвонки
свежевыловленные омары

и за мене, и за тебе
дувка свеж зрак низ 'рбетот
и машки, и женски
 мене кај левата, тебе кај
 десната страна на челото.

„Имаш ли претстава колку време треба
за да стигнеме до крајот?“
праша тогаш.

'Зависи од тебе', реков јас.

для меня и для тебя
холодок течет по позвоночнику
и мужскому и женскому
 у меня к левой, у тебя к
 правой стороне лба.

«Ты представляешь сколько надо времени
чтобы дойти до конца?»
спросил ты тогда.

>Зависит от тебя<, ответила я.

Одевме долж бедемийе

секој со својата Сенка во себе.
Секоја темнина –
своја свешлина.

Беше дива ноќ, полноќ
опседната од страсти

Беше доба на доброволна несоница
и слатки муабети

*'Животој и смртиа се две лица
на една истиа монетиа', реков.
'Мојата монетиа има исто лице
на двесте страни', кажа без да шрејнеш – небаре
блефираш.
'Штејта, а како правеш разлика?'
'Си ја замислувам.'
'А онаа разлика која постои
сама по себе?'
'Таква не познавам.'*

*Твојот збор беше последен.
Разговаравме до бесвест
кога ти скршна од патот и рече: „Ела вamu.
Доста беше зборување. Ноќва ќе има
дожд од метеори.“*

Мы шли вдоль крейосинной стены

каждый со своей Тенью в себе.
У всякого мрака –
свой свет.

Была глухая ночь, полночь
кипящая страстью

Было время добровольной бессонницы
и нежных разговоров

*>Жизнь и смерть суть две стороны
одной монеты<, сказала я.
«У моей монеты обе стороны
одинаковые», сказал ты, не дрогнув
– явно блефуя.
>Ну, а как же ты их различаешь?<
«Я придумываю разницу».
>А ты разница что существуешь
сама по себе?<
«Такой я не знаю».*

*Твое слово было последним.
Мы говорили до беспамьтства
пока ты не сошел с дороги и не сказал: «Иди сюда.
Хватит болтать. Сегодня ночью будет
метеорный дождь».*

Би го живееле секој својој живој
ама нè спопадна, еден ден, ист зазор
од неизразената страст.

'За страста знаеш
колку за змијата во езерото.
Ни кај ќе шмугне, ни кај ќе искрсне.'

„Некои работи не се гледаат
со голо око, а за некои
не се зборува“, рече ти
и ми го подаде дурбинот.

'Кога постои, таа е секаде
во исто време, стихија
и сирова, и сурова –
растур прави.'

„Нема лезет пливањето, ако помине
во страв од змии.“

'Сепак, на крај, како и секоја стија
ќе се врати во своето дувло.'

„Се предаваш ли?“ –
ме праша тогаш мртов ладен
како да играме шах
а мене ми дојде, природно
да замижам.

Мы шак бы и жили каждый своей жизнью
но однажды нас охватил один и тот же страх
от невыраженной страсти.

>О страсти известно мало
как о змее в озере.
Ни где она скроется, ни откуда появится<.

«Некоторые вещи не видны
невооруженным глазом, а о некоторых
не говорят», сказал ты
и протянул мне подозрную трубу.

>Когда она есть, она везде
одновременно, как стихия
и сырая, и суровая –
и ведет за собой разруху<.

«Безрадостно купание, если плавать
опасаясь змей».

>Но в конце она, как самовила
возвращается в свое логово<.

«Сдаешься?» –
спросил ты ледяным тоном
как будто мы играли в шахматы
и я невольно
зажмурила глаза.

Одвреме навреме

се вртевме во круг
за да те пипнам, од сите страни
за да ме пипнеш, од сите страни
во ѓд
се спрепнувавме
или сакавме да се спрепнуваме
за да биде повозбудливо
и да трае подолго
кога ќе се дочекаме
еден со друг
интимно
на самиот врв
на голготата

тврди ореви со меки јатки
секој си го доби своето
и плус нешто повеќе.

'Премногу арно не е на арно' –
мислев јас, ама молчев.
'Овој пат нејќам да кобам'.

Време оӣ времени

мы вертелись кругом
чтобы я потрогала тебя со всех сторон
чтобы ты потрогал меня со всех сторон
на ходу
мы спотыкались
или хотели споткнуться
чтобы действие было более захватывающим
и длилось дольше
когда мы встретимся
друг с другом
интимно
на самом верху
голгофы

твердые орехи с мягкой сердцевинной
каждый получил свое
и плюс нечто большее.

>Слишком хорошо это не хорошо< –
подумала я тогда, но промолчала.
>На этот раз не хочу накликать беду<.

*„На овие висини кислородот е редок –
врати се дома, додека не е доцна“
ме опоменуваш.*

*’Ми кажуваш ли од искуство?’ –
прашувам јас, во трема
(повеќе гаталец одошто паталец)
и се загледувам надолу
во долниот свет*

*секогаш ми било ѝлесно
да се ѝенирам ѝо уѓорнициѝе
одошѝо да се ѝркалам
ѝо удољнициѝе.*

*„Пропаста те привлекува
како да има некоја крвна врска
меѓу вас“, велиш ти.*

*’Многу повеќе темнината
како таква’ – има едно тихо психо
еден темен потон во којшто тонам
осветена. Еве, на ѝример
сеѓа би лејнала
ама кој ми ѝарантира дека
ова нависѝина е сон?*

*«На эѝих висоѝах воздух разрежен –
вернись домой, пока не поздно»
пытаешься ты образумить меня.*

*>Ты знаешь по опыту?< –
спрашиваю я в страхе
(скорее старая чем бывалая)
и заглядываю вниз
в нижний мир*

*мне всегда было ѝпроце
лезѝь в ѝору
чем кайѝиься
с ѝоры.*

*«Пропасть влечет тебя
как будто между вами есть
кровное родство», говоришь ты.*

*>Гораздо больше тьма
как таковая< – есть тихий психоз
есть подземная река в которой я тону
освященная. Вой, к ѝримеру
сейчас бы ѝтак и нырнула в нее
но кѝо можеѝ мне ѝарантироваѝь
чѝо эѝто и вѝравду сон?*

Во оваа фикција

облечен си спортски
во медена боја
на младешка кожа –

таман колку што треба
за да посакам
да те посакам

пак одиме во незнајна насока
веќе ме фаќа сафра
од премногу таинственост

и ни самата не знам
дали го живеам, или го боледувам
овој жестоко пробивен простор
на имагинацијата
овој туѓ живот во мојот живот
оваа мечта – цимерка
која без престан ровари
по станот, овој порив од којшто
утробата ми се превртува
како митска палачинка
рипа во паника, фрлена во искушение
се тетерави како фатаморгана
над македонските градови

В еџом сне

ты одет по-спортивному
молодая кожа
цвета меда –

как раз то что нужно
чтобы я захотела
захотеть тебя

мы идем неведомо куда
мне даже дурно
от такой таинственности

и я сама не знаю
хорошо мне или больно
от этого страшно отчетливого пространства
воображения
чужая жизнь в моей жизни
эта мечта – соседка
что без остановки бродит
по квартире, этот порыв от которого
мои внутренности скручиваются
как мифический блин
дрожащий в панике, брошенный в искушение
парящий миражом
над македонскими городами

а воздухот само што не се запалил сам од себе,
и дење и ноќе
пека пеколно Скопје
на плус 50°
летни стии, ХААРП горештини.

'Денес, и она што изгледа природно
не е природно', вела јас
и те шмукам со погледот.

„Надежта умира последна“
дофрлуваш ти отсутно
и одиш некаде
да играш.

а воздух разве что не горит сам по себе,
днем и ночью
адски печет Скопье
плюс 50 градусов
летние ведьмы, ХААРП жара.

>Нынче даже то что кажется естественным
не естественно<, говорю я
и впиваюсь в тебя глазами.

«Надежда умирает последней»
говоришь ты рассеянно
и уходишь куда-то
играть.

„Колку смеам да те попрашам?“

праша ти, на една кривина.

’Некои прашања не се поставуваат’

велем јас, а ми доаѓа да речам

’Што правиш, кога те нема

никаде, ни таму ни вamu?’

„Си играм сам со себеси“

одговараш ти.

’Нема крај таа игра’.

Мечка во вреќа.

Мачка во вода.

’Вишокот опсесија е, всушност плацебо ефект’,

ти велем тебе

ама како да блудам

сама со себе.

«Сколько тебя мне можно попрашивать?»

спрашиваешь ты на повороте.

>Некоторые вопросы просто не задают<

говорю я, а мне хочется сказать

>Что ты делаешь, когда тебя нигде нет,

ни здесь ни там?<

«Я играю сам с собой»

отвечаешь ты.

>Нет конца этой игре<.

Мишка в мешке.

Кошка в воде.

>Навязчивая идея на самом деле как эффект плацебо<,

говорю я тебе

как будто разговариваю в бреду

сама с собой.

'Само еден ġесї̄ одлучува

што понатаму со нашиот живот
и на кој начин ќе го загубиме' –
вела, и си ги горам прстите
вртејќи ја палачинката
над ринглата, на голо

ти, двај чујно, коментираш –

„Не е страшно, рана како рана
ќе зарасне“

и напосто продолжуваш
божем ништо не се случило.

'Им верува ли овој човек
на своите зборови?'
си думам, за себе, и
мачкам џем од малини
на палачинката.

>Все̄о один жесї̄ решаеї̄

что будет с нашей жизнью
и каким образом мы ее лишимся< –
говорю я и обжигаю пальцы
переворачивая голыми руками
блин на сковородке

ты, еле слышно, комментируешь –

«Не страшно, рана как рана,
заживет»

и продолжаешь сидеть
будто ничего не случилось.

>Верит ли этот человек
в то что говорит?<
думаю я про себя и
мажу блин
малиновым вареньем.

Ко̀го тӣешиш

Кому збориш

каде води, каде оди

оваа њолнокна сесија

оваа ојасна лакрдија

овој заштитен лавиринт

овој екстремален спорт

оваа геометрија, теометрија –

когда прашањето не е –

дали ќе го најдеме загубеното

штуку – што ќе правиме со ситите тие

одново пронајдени ствари

што со толку многу ненужни нешта

во оваа тесна останава, оваа загушлива стварност?

„Пушти нека мине“, велиш ти
ама како да зборува некој друг
во тебе.

Ко̀го утешаеш

Кому говориш

Где идеш и куда ведеш

эта њолночная сесия

эта ојасная болтовня

этой хитрый лабиринт

этой экстремальный спорт

эта геометрия, теометрия –

когда вопрос не в том –

найдем ли мы потерянное

а в том – что мы будем делать со всеми

вновь найденными вещами

с таким количеством ненужных предметов

в такой тесноте, в этой удушливой реальности?

«Оставь, все пройдет», говоришь ты
но так как будто говорит кто-то другой
в тебе.

Вешти во немушйошйоштурнување

преоѓаме еден во друг
од еден во друг сон
со леснотија, со силата
на чистата волја
секогаш може повеќе
уште малку

чук, чук оѓанче
качи се ѿоѓоре
влезе ѿовнашре
не излеѓувај
остани ѿдолго
зайали ја кукаш
љубовша е игра
ама каква...

и така натаму
сè додека не стигнеш до она место
кај што зборовите се излишни
границите – разградени
забраните – заборавени
а телата и душите се претвораат
во една еkleктичка смеса –
ни жолчка, ни белка.

Искусные в немом ѿодшалкивании

перетекаем друг в друга
из одного в другой сон
с легкостью, просто силой
желания
всегда можно больше
еще немного

шук, шук, оѓонек
ѿоднимись ѿовыше
залезай ѿоѓлубже
и не выходи
ѿосиди ѿодольше
ѿодожги весь дом
любовь – игра
зайо какая...

и так далее
пока не доберешься до места
где слова излишни
пределы – преодолены
запреты – забыты
а тела и души преобразуются
в еkleктичную смесь –
ни желтка, ни белка.

Мама нè вика да лизнеме
од пандишпанот
пред да го стави
во рерна, на 180°.

Пред да стане
раванија.

Мама зовет нас лизнуть
тесто
прежде чем поставить его
в духовку на 180 градусов.

Прежде чем оно станет
бисквитом.

Крајот̄ ни се измолкна, изгледа

зашто еве нè повторно заедно
во не знам кој сон по ред

небаре од сонувањето ни зависи
сè во животот
небаре ни виси главечки
Обесен младич

а ние, играчки си играме
на вересија
сметајќи тврдоглаво
на онаа безобразна вера
која ќе нè докуси безусловно
како бомбастична хипотека
еден прекрасен ден.

И нема да биде првпат.
Не научивме ништо од минатото.
Секој ја прави истата грешка
на свој начин. Нема место
за тројца, ама секогаш има тројца.

'Мојот живот одамна не е мој
а туѓ е', думкам јас.

„Умеам јас со туѓите животи“
се смешкаш ти.

Конец̄ ѝохоже, оѝодвинулся

потому что вот мы снова вместе
не знаю какой сон подряд

как будто от сна зависит
все в нашей жизни
как будто висит наоборот

Повешенный юноша

а мы играем в игры
в кредит
надеясь упорно
на позорную веру
которая безусловно
доконает нас
как бомбастическая ипотека
в один прекрасный день.

И это будет не в первый раз.
Ничему не научило нас прошлое.
Каждый делает ту же ошибку
по-своему. Нет места
для троих, но всегда есть трое.

>Моя жизнь давно не моя,
а чужая<, думаю я.

«Везет мне на чужие жизни»
усмехаешься ты.

Тогаш се случи чудо:

ти запеа една неовдешна песна
– колку понеовдешна, толку поубава –
песна појна и опојна
песна со спокој испеана
со сон оросена

јас пиев капучино –
обично пијам еспресо
се белееше пената и врз неа
трошките цимет, теракотните честици
канела, струготинките
од другиот живот

– доволно за да се подлажам –

а ни сега не знам што опеваше
ни кого, единствено се сеќавам
*душата ми дојде на место
и пак ми доаѓа, при секоја помисла
на обредот и на њењето.*

„Не е тешко“, велиш ти
налактен над животот
ни лежејќи, ни седејќи.

„Ја знам песната напамет.

Ја кажувам наизуст.

Ако ти заборавиш, јас сум тука.“

И туѓи случилось чудо:

ты запел нездешную песню
- чем нездешней, тем красивее –
песню пленительную и упоительную
песню спокойно поющуюся
сном орошенную

я пила капучино –
обычно пью эспрессо
белела пена и сверху
крошки корицы, терракотовые пылинки
кинамона, частицы
другой жизни

- достаточно, чтобы обмануть себя –

даже сейчас я не знаю что воспевал ты
или кого, помню только
*что душа моя усюкоилась
и каждый раз убаюкивается при мысли
о том обряде и ъении.*

«Это не трудно», говоришь ты
облокотившись над жизнью
ни лежа, ни сидя.

«Я знаю слова наизусть.

И пою эту песню по памяти.

Если ты забудешь, я рядом.»

Преминувајќи од сон во сон

небаре од еден во друг свет
го сретнувам син ми, единиот

некако смален, или јас немам забележано
дека сè уште е дете, ранливо
му се спие, стуткан како ембрион
на треседот, зад шанкот

кај што ние, којзнае во кој живот
пиеме стопостотен фреш
органиски, тазе и без мраз
и заминуваме, збунети, без да платиме
(нешто се случува, ама не се сеќавам што)
кога келнерот праша без заобиколување –
„Кај сте тргнале, со неплатен цех?“

Извадив од паричникот
повеќе одошто треба
за да ги расчистам сметките
преплашена, немам покрите
навикната да давам однапред

Ти беше тука некаде
со рацете во џеб
ако баш мораш, ќе платиш.

Переходя оӣ сна к сну

будто из мира в мир
я встречаю своего сына, единственного

он как-то уменьшился, или я просто забыла
что он все еще ребенок, ранимый
ему хочется спать, свернувшись эмбрионом
на диване, за стойкой бара

где мы в непонятно какой жизни
пьем свежесжатый сок
органический, чистый и без льда
и уходим, в суматохе не заплатив
(что-то помешало, не помню что)
официант спрашивает без обиняков –
«Куда это вы собрались, не заплатив по счету?»

Я достаю из кошелька
больше чем нужно
чтобы рассчитаться
боясь, хватит ли мне денег
привыкнув платить наперед

Ты был где-то неподалеку
руки в карманах
если уж нужно, ты заплатишь.

'Ке те носам на раце, ке те однесам
дома, таму ти е местото'
му реков на син ми –
'Не си го крши сонот'.

Тој знае колку е тешко
да носиш дете расно и возљубено
како него, сама.

Се наведнува накај мене
без збор, иако, му читам
во мислите, спелува –

„Како се живее
ако ти е далечен оној кој
ти треба да ти биде најблизок?“

'Од страв ти се чини туѓ
оној кој ти е свој, сине мој'.

„Признаваш ли, дека се
плашиш?“ прашува тој.
'Не само што се плашам, јас го
антиципирам стравот', сакам да кажам
ама премолчувам.
Пак голтам кнедли.

>Ја ѝонесу тебја на раках, ојнесу
домой, там твое место<
сказала я сыну –
<Не просыпайся>.

Он знае как трудно
нести ребенка родного и любимого
в одиночку.

Он наклоняется ко мне
не говоря ни слова, но я читаю его
мысли, по буквам –

«Как жишь
если ои тебја далек тои ктио должен
быишь тебе самым близким?»

>Он кажетя тебе чужим от страха
тот кто тебе свой, сын мой<.

«Признаешься ты
что боишься?» спрашивает он.

>Я не просто боюсь, я
предчувствую страх<, хочу сказать я
но помалкиваю.
А у самой ком в горле.

Не знам во кој сон ѝо ред, но ме убеди

да си ја земам колата и
да си го вратам синот
во мојата дома.
Го одбравме
полесниот начин.

'Бргу ќе заврши сè –
ќе го земеш, ќе те земам'
рече ти, реков јас

и замесив леб
превртлив како тркалото
на животот, бескраен
како Мебиусова лента
набаврен како квазар
стасан, престасан.

Оттогаш се храниме со кругот
живееме во кругот

фатени во стапица
во обрачот на смокот
во клунот на орелот

до последен здив.

Не знаю в каком ѝо счешу сне, но ѝы меня убедил

чтобы я взяла машину и
отвезла сына
к себе домой.
Мы решили –
так проще.

>Скоро все закончится –
ты возьмешь его, я возьму тебя<
сказал ты, сказала я

и замесила хлеб
круглый как колесо
жизни, бесконечный
как лента Мебиуса
огромный, как квазар
пышный-препышный.

С тех пор мы едим круг
живем в круге

пойманные в капкан
в обруче ужа
в клюве орла

до последнего вздоха.

„Пак ли ќе си одиш?“

ме прашуваш со погледот
а го знаеш одговорот.

Па зар не се работи цело време
за тоа – да се чувствуваш во светот
како дома
а не да живуркаш
астматично
стиснато
дребно
на штрек...

’Не знам што ми е
во последно време –
не можам да се наситам
на тишина’.

„Лука по шевовите“
велиш тивко, како за себе

не признаваш дека
не ти е сеедно
кога си одам
кога си одиш.

«Ты о́йя́ть уходишь?»

спрашиваешь ты меня взглядом
уже зная ответ.

Разве не для того работают все время
чтобы – чувствовать себя в мире
как дома
а не выживать
астматично
стесненно
мелко
настороженно...

>Не знаю что со мной
в последнее время –
я не могу насытиться
тишиной<.

«Трещит по швам»
говоришь ты тихо, будто про себя

не признаваясь что
тебе не все равно
когда ухожу я
когда уходишь ты.

Во соноџ̄ бареме нормално

што мислиме на пагански начин:
ги заменуваме предметите
со нивните слики
зборовите со предметите
луѓето со имињата
животот со смртта

та нели од *џ̄ри сџ̄рани сонце ѓ̄рее*
кај шџ̄о изѓрева, џ̄аму заоѓа
се убедуваме еден со друг
цитурајќи ги народните приказни
влегувајќи во туѓите животи
како во свои.

’Штом се будам во друга дома
можеби и заспивам
на друго место!’

„Но ти си загубена во времето
– не во просторот“
рече ти и се сврте
на другата страна.

В џ̄орядке вещей чџ̄о во сне

мы думаем как язычники:
заменяем предметы
их образами
слова предметами
людей именами
жизнь смертью

ведь правда с *џ̄рех сџ̄орон солнце свейџ̄иџ̄*
ѓ̄де всџ̄аеџ̄, џ̄ам и заходџ̄иџ̄
убеждаем мы друг друга
цитуруя народные сказки
входя в чужие жизни
как в свои.

>Если я просыпаюсь в другом доме
может быть и засыпаю
в другом месте!<

«Ты потерялась во времени
– а не в пространстве»
сказал ты и повернулся
на другой бок.

Враќајќи се дома со ѝразни раце

ја сретнав мојата двојничка –
пробаше обувки
под отворено небо
застанав за миг и ѝ објаснив
како изгледаат добри чевли
рачно изработени, од најфина кожа
мека како клепките на очите
како цветот на алгите
во август и септември

ми се пристори дека се наоѓам во Рим
како некогаш, кога одев на прием
кај Папата и си купив
пар римјанки
пар позлатени апостолки
што, после, долго, со години
не можев да ги износам
толку беа добри
па ги подарив некому
а ми стоеја *суѝер*.

„Кај си тргнала вака боса?“
ме праша таа
а јас не знаев
што да ѝ одговорам.

Возвращаясь домой с ѝусѝыми руками

я встретила своего двойника –
она меряла обувь
под открытым небом
я остановилась на мгновение и
объяснила ей что такое хорошая обувь
ручной работы, из лучшей кожи
мягкой как ресницы
как цветущие водоросли
в августе и сентябре

мне привиделось что я в Риме
как когда-то, когда я была на приеме
у Папы и купила
пару римских
позолоченных сандалий
которые потом долго, за много лет
так и не смогла износить
такие были хорошие
и отдала кому-то
а они мне так шли *суѝер*.

«Куда ты отправилась вот так босиком?»
спросила меня она
а я не знала
что ей ответить.

Приказнӣе се по̄вто̄руваа̄и:

*Те, не се гледам себеси во овој свет̄и
Те, ние сме два различни свет̄иа
по грешка споени, сè со иста цел –
заедно да умреме.*

„Лагата е иронична вистина“
мрмориш ти, небаре ме успиваш
со некој притаен зазор
а јас ја вдишувам анестезијата
со сласт на жена
која одамна нема
паднато во кома.

Последното на што се сеќавам
е поривот по смртта.

’Баш си гостољубива’, велиш ти
ама како да вели некој
друг, непознат, и јас знам:
сè ќе почне одново.

Еднаш како ниеднаш.

Истории по̄вто̄рја̄ӯт̄ся:

*Я не вижу себя в этом мире
Мы два разных мира
по ошибке слившиеся
чтобы вместе умереть.*

«Ложь – это ироническая правда»
ты бормочешь, будто меня убаюкиваешь
с тайной тревогой
а я вдыхаю наркоз
с наслаждением женщины
которая давно
не впадала в кому.

Последнее что я помню
это порыв смерти.

>Ты не слишком гостеприимна<, говоришь ты
но как будто говорит кто-то
другой, неизвестный, и я знаю:
все начнется снова.

Однажды как некогда.

Веќе се будам

со горчлив вкус на усните
од неискажаните зборови
од потиснатите нагони

пак ќе глумам
џлува кучка, немушт јазик
ѓаволска стапица

во умот ќе ми се вртат стоглави
сништа, оние во коишто
ништо не постои додека постои
освен привидот и блудното јаве

оти ништо друго не постои
додека постои тој сон
во мојот сон
таа желба во мојата желба
освен ти и тој
освен ти и тој.

'Не си прави мајтап со умот'
вели Пречистата, и ме гледа право в очи.

Зборовите се мои.
'Уште само тие ми останаа'
би рекла, ама не ми е удобно.

Просы́аюсь

с горьким вкусом на губах
от невысказанных слов
от подавленных инстинктов

опять я как
џлухая собака, немой язык
дьявольская ловушка

в мозгу вертятся мои стоглавые
сны, в которых
ничего другого не существует пока он существует
за исключением видений и блуждающей яви

ибо ничего не существует
пока существует тот сон
в моем сне
это желание в моем желании
кроме тебя и его
кроме тебя и его.

>Ишь размечталась<
говорит Пречистая, глядя мне прямо в глаза.

Слова мои.
>Только они у меня остались<
сказала бы я, да мне неловко.

Од силниот̄ земјотрес̄ ѝукаа̄т̄

темелите на куќата
паѓа библиотеката
ничкум, наопаку
не е на арно.

Навикната да живеам во сенка
ми доаѓа некако убаво
во стравот

сум се приврзала за него
со лисици, нема кој да ме отклучи.

'Ни клуч немам'
си вела смртно
исплашена.

„Само ти се чини дека немаш“
ми велиш Ти, Матери –

и за добро ми велиш.

От̄ сильно̄ землетрес̄еня̄ ѝрескае̄т̄ся

фундамент дома
падает библиотека
ничком, навыворот
не к добру.

Я привыкла жить в тени
и мне странно-хорошо
в страхе

я прикована к нему
наручниками, никто меня не освободит.

>Да и ключа нет<,
говорю я себе
смертельно испуганная.

«Тебе только кажется что нет»
говоришь мне Ты, Матерь –

и к добру что говоришь.

Стапица

II

*Мама и тато
стирансывуваат*

Капкан

II

*Мама и тата
стирансывуют*

По ѝаѝ наидов на Мама

Мама подмладена, Мама жива
Мама тремаѝика, Мама помамена
Мама нема, Мама има
светла рима, вкрстена
на ритам подложна

„Сè, само мрак не“, мрмори Мама
бесна што некој ѝ го зема видот
и стаписана, пред третото око
отворено ширум
за 'загубените времиња'
и за крајот
што таа долго го одлагала
како нешто кое не е баш за неа.

„Не ми треба живот во темнина“
кажа таа без пардон, пред да
премине на *онаа сѝрана*
макар што во сонот не постои
граница меѓу тоа *Оѝаде*
и ова *Оваде*.

„Не ги земај поделбите на светот
здрavo-за-готово“, рече Тато.

По ѝуѝи я сѝолкнулась с Мамой

Мамой молодой, Мамой живой
Мамой испуганной, Мамой обманутой
Мамы нет, Мама есть
яркая рифма, крестообразная
на ритм положенная

«Что угодно, только не тьма», бормочет Мама
ей не нравится что кто-то застит ей свет
и замирает перед третьим глазом
открытым
для >потерянных времен<
и конца
который она долго откладывала,
как нечто что совсем не по ней.

«Нужна ли мне жизнь в темноте»
сказала она без обиняков, прежде чем
перейти на *ѝу сѝорону*
хоть во сне нет
границы между тем *Оѝѝууда*
и этим *Оѝсюда*.

«Не принимай границы между мирами
так просто, на веру», сказал мне Папа.

„Ке се изгориш“, вели мајка ми

во којзнае кој сон
ни човек, ни сенка.

„Ако не се добро исчукани
прскаат сеедно огномет
суровите лигњи
на врел зејтин.“

Јас ставам облоги
од шведска горчливка
сладок пелин
по целото тело, изгорено

душата ми мириса
на тревки, на билна аптека
на сушална, на осој, на ладовина –
веќе не бројам, туку берам
и сушам.

„Сувото лесно се пали“, вели мама
и дува во дланките.

«Сгориш», говори мама

в неведомом сне
ни человек, ни тень.

«Если не отбить их как следует
сырые кальмары
брызжутся
в горячем масле».

Я ставлю горчичники
из шведской горчицы
и сладкой полыни
по всему телу, жаркому

моя душа пахнет
травами, лекарственными сборами
сухостью, влагой, прохладой –
я больше не считаю, просто собираю
и сушу.

«Сухое зажечь легко», говорит мама
и дует на ладони.

Тайшо е шука, ама не се меша

во домашните работи.

„Ќе поминеш низ свеста
како низ портал кој води
кон другиот свет
или тој ќе дојде
во овој овде“, раскажува Тато, епски
секогаш се сеќавал подробно
и на минатото, и на иднината.

’Отворени се неколку портали
до 21 декември, според
Календарот на Маише’
му кажувам, наивно, од оваа страна.

„Донесуваш одлуки во очај
и на твоја штета“ –
одекнува гласот на татко ми
растојанието се зголемува, а
смртта е, ми се чини
прилично акустична.

’Но што ако сум во паника?’
прашувам и го чекам ехото:
сум, ако сум
паника, аника, ника, ика, ка, а
aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa

Папа здесь, но он не слишком вмешиваётся

в домашние дела.

«Пройдешь сквозь сознание
как через ворота ведущие
в другой мир
или он войдет
в этот», говорит Папа эпически
он всегда помнил подробности
и прошлого, и будущего.

>Открыты несколько ворот
до 21 декабря, в соответствии с
Календарем майя<
говорю я ему, наивно, со своей стороны.

«Ты принимаешь решения в отчаянии
и во вред себе» –
доносится голос отца
расстояние увеличивается, но
смерть, похоже
довольно акустична.

>Но что делать, если у меня паника?<
спрашиваю я и жду эха:
у меня
паника, аника, ника, ика, ка, а
aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa

Некоја јанса ѓо јаге Та̄ио

Тато сака да ака по патиштата
Тато странствува одамна
веќе не бројам
од кога до кога
и не знам од каде до каде

'Но, како ќе патува сега', ја прашувам Мама
'та нели се потребни документи
а тој ги нема?'

Тато нема сè што му треба
па се враќа повторно кај мртвите
ама тоа не се есапи за патување
во странство.

„Пак ли бараш логика таму каде што нема“
ми плеснува в лице Мама, ама *ѣе молам*
колку ѣаѣи ќе оди јабана и ќе се враќа
не можам веќе да издржам
сакам да знам на шѣо сум, оди не оди
но изгледа сум се навикнала на неизвесносѣи
ѣа ѓо ѣрѓам ѣогледоѣи насѣрана.

Какая-ѣо лихорадка съедаеѣ Паѣу

Папа хочет отправиться в дорогу
Папа давно странствует
я уже запуталась
с каких пор и покуда
и не знаю откуда и куда

>Но как он отправится в путь<, спрашиваю я Маму
>ведь нужны документы
а у него их нет?<

У него нет чего-то из того что ему нужно
и вот он опять возвращается к мертвым
но это не считается поездкой
за границу.

«Опять ты ищешь логику там где ее нет»
выплескивает мне в лицо Мама, но *ѣрошу ѣебя*
сколько раз уже было уедеѣ на чужбину и вернеѣся
не моѓу ѣаѣк больше
я хочу знаѣѣ ѣочно, едеѣ он или не едеѣ
но видно я уже ѣривыкла к неѣределенносѣи
воѣи и смоѣрю на все эѣо сквозь ѣальцы.

'Престари сте за патување', велам
'но ако издржите уште едно
одење *наваму-наша̀му*
ќе ве одведам до
Свети Врачи'.

Еднаш и ние ќе бидеме
заедно.

>Вы слишком стары для путешествий<, говорю я
>Но если вы выдержите
дорогу туда и обратно
я свезу вас в церковь
Святого целителя<.

Однажды мы будем
вместе.

'Колку ѝаѝи се умира во живоѝоѝ'

ми доаѓа да ја прашам Мама
но не велам ништо
во сонот се сетив дека
и таа е вратена од мртвите
па ми стана некако *нелаѓодно*
во сопствената кожа

најдена во небрано
толку нагло
што онемев.

„Што ќе ти е живот ако не можеш
да кажеш што ти лежи на душата?“
ме укорува гласот на мама
и веќе не знам, што сакам повеќе.

„Спаси си ја душата“, вели Татко
небаре сè друго ќе се среди, само од себе.

„Сосема заборава на живите“
ми шепнуваш ти, мажествено
налактен како *Момчеѝо кое сѝие*
божем си фреска, а не човек.

>Сколько раз умираюѝ в жизни<

хочется мне спросить Маму
но я ничего не говорю
во сне я понимаю что
и она вернулась из мертвых
и мне становится *неуюѝно*
в собственной коже

меня застали врасплох
так неожиданно
что я онемела.

«Что же ты так живешь
даже не можешь сказать что тебе по душе?»
укоряет меня мамин голос
и я уже не знаю, чего хочу больше.

«Спаси душу», говорит Папа
как будто все остальное образуется само собой.

«Ты совсем забыла о живых»
шепчешь мне ты, по-мужски
облокотившись как *Сѝящий юноша*
прямо фреска, а не человек.

Мојата Мама веќе седнала
притаено, од *другајта страна*
на бедемот, зад еден процеп
без стакло, јас од *оваа страна*

Нè дели еден шалтер
длабок како времеплов
зјапнат како исконско окно
бездна меѓу два света
– вечен ’јазовир’
и јаз, и вир
и стипца, и стапица

не ни останува ништо друго
освен да се довикуваме
со метафори, да си дофрлуваме
трошки.

„Не се живее од алузии“,
велиш ти и ме влечеш
кон оваа страна на Сидот
пред да ме засидаат
жива на благоден
неимарите
маестрално, маестрално.

Моя мама уже сидела
притаившись с *другой* стороны
крепостной стены, у проема
без стекла, я с *этой* стороны крепости

Этот проем в стене разделяет нас
глубокий как течение времени
открытый как изначальное окно
как бездна между двумя мирами
– вечный водоворот
и вода, и ворот
и ляпис, и ловушка

нам не остается ничего другого
кроме как переключиваться
метафорами, перебрасываться
крошками.

«Не живут аллюзиями»,
говоришь ты и тянешь меня
к этой стороне Стены
пока меня не замуровали
живьем в праздник
строители
мастерски, мастерски.

Сè што набавив за дома

им го оставив по пат
на Мама и на Тато
да им се најде.

„Имаш ли некакво видение
за иднината?“, праша татко ми
од не знам кој крај на
светот

мене тогаш ми светна пред очи
како да се отвори пат
пред мене

гледав далеку
стигнав далеку
од далеку.

Все што куйила для дома

я оставила
Маме и Папе
глядишь им пригодится.

«У тебя есть какое-то представление
о будущем?», спрашивает отец
с неведомо какого конца
света

у меня будто вспыхнуло перед глазами
будто открылся путь
передо мной

глядела далеко
ушла далеко
издалека.

Сѐ ушїе се враќам дома

со празни раце, напразно
како да сум испуштила нешто
многу важно

се шуткам цело време
ми бега јагулата
се лигави рајското јаболко
се рони глумарчето

си го трошам времето
гонејќи привиди, излез барајќи
во меѓувреме
змиите го освоија езерото
сеништата – светилиштето.

’Постоењето има смисла
затоа што човекот е смртен’
си думам самата себеси
ама како да не сум
сосема сама.

’А не сум ни со сите
што ги сакам, Господи.’

Ј до сѐх ѝор возвраќањем домой

с пустыми руками, впустую
кажется я пропустила что-то
очень важное

я слоняюсь все время бесцельно
от меня уплывает угорь
слюни текут по райскому яблоку
облетает одуванчик

я трачу время
гоняясь за привидениями, ища выход
а в это время
змеи захватили озеро
призраки – святилище.

<Существование имеет смысл
потому что человек смертен>
говорю я себе
но как будто не
одной себе.

<Голова идет кругом,
Господи>.

Стапица

III

Под отворено небо

Капкан

III

*Под откритым
небом*

Нè обзеге јанса

од темното лице на светлоста
од слепите страсти
од заборавените сништа
од зборовите кои ни стоеја
на врв на јазикот
долго, опсесивно

oo oo oo oo oo oo oo ∞

поривот по исконоот
ни ги спои животите
кога најмалку се надевавме
на места каде што не може никој
да дојде по втор пат
во живо

па се приврзав за мечтите
се вселив во сонот

а ти ми врати
мило за драго.

„Повеќе не купувам на рефус“,
рече. И не се пазарам.
Ако биде, да биде.

Нас охвайил стѝрах

темного лица света
слепых страстей
забытых мечтаний
слов вертящихся
на кончике языка
долго, навязчиво

oo oo oo oo oo oo oo oo

стремление к исконному
соединило наши жизни
когда мы меньше всего надеялись
попасть в места куда никто не может
прийти еще раз
живыми

я так привязалась к мечтам
переселилась в сны

ты мне ответил
ѝем же.

«Я больше не покупаю на вес»,
сказал ты. И не торгуюсь.
Пусть будет, что будет.

Ми доаѓа да ти напишам писмо

ситно писано, на рака режено
лично предадено

ама има далечина една
меѓу нас, толку безнадежна
што не можам да ја
игнорирам, па вежбам
илузионизам

и сè станува лефтерно
јас го поднесувам полесно
судирот меѓу цивилизациите

им се враќам на старите технологии
телепатијата е побрза од интернетот
таа е универзална безжична мрежа
архетипска пајажина

нема бегане од пишаното
по *default*, од *'црпшиџе и рескиџе'*
на мемориските плочи
на зодијакот, од царството
на симболичните животинки
бројки, англи и алузии, па не знам

дали да ѝлачам, или да се смеам.

Я решила написать тебе письмо

мелким почерком, собственноручно
вручить лично

но такая даль
между нами, совсем безнадежная
что я не могу ее
игнорировать, вот и тренируюсь
в иллюзионизме

и все становится проще
так мне легче переживать
столкновение цивилизаций

я возвращаюсь к старым технологиям
телепатия быстрее Интернета
она универсальная беспроводная сеть,
архетипическая паутина

не убежать от письма
по умолчанию, от *линий и черточек*
на мемориальных досках
на Зодиаке, из царства
символических животных
чисел, углов и аллюзий, и не знаю,

ѝлакаѝ или смеяѝся.

*Ке ти го парафразирам пишаното
на старомоден начин, по секавање:*

*Животој си мене покрај нас
на завидно растојание
како покрај турски гробишта:*

*Колку повеќе глумиме рамнодушност
толку повеќе се задушваме
во забраниште:*

*чувствата бараат, за возврат, канали
за проток, традицијата е обичен
изговор, комодијетото влече назад
иак такаме во месо
секој се снаоѓа како знае и умее
во двојното живото*

*само риби фрлени на суво бараат
да се промени нешто битно
да се вратат на своето, во водата
и по цена да умрат, во текој на револуцијата.*

*Я перефразирую написанное
по старинке, по памяти:*

*Жизнь проходит мимо нас
на значительном расстоянии
как мимо турецкого кладбища:*

*Чем больше мы изображаем равнодушие
тем больше задыхаемся
в заботах:*

*чувствам нужен отклик проточные
каналы, традиция просто
отговорка, обычай тактич
мы войдем на место
каждый приспосабливается как знает и умеет
в двойной жизни*

*только рыбы выброшенные на сушу хотят
что-то изменить
вернуться в своё, воду
пустить и ценою жизни, во время революции.*

„Премногу е айстирактно
твоео писмо“, ми возвраќаш
пред да го дочиташ напишаното.

Јас ти праќам порака
правам сè за да нема
недоразбирање.
Просто кажано, нешто ми фали
не знам што точно
кога те нема, кога го нема.

Ти возвраќаш со *sms*:
„Фалични сме, сите заемно“
па следи знак дека ти е мило.
Андроидот се смешка
и тој, двојно кодиран.

Мене ми доаѓа
да излезам од себе
па одам во бањата
да земам еден
студен туш.

«Слишком абстрактно
твое писмо», пишеш ты в ответ
не дочитай написанного.

Я посылаю тебе сообщение
стараюсь чтобы не было
недопонимания.
Проще говоря, мне чего-то не хватает
непонятно чего,
когда тебя нет, когда его нет.

Ты присылаешь смс:
«Мы несовершенны, взаимно»
потом идет значок того что ты рад.
Андроид улыбается
двойным кодом.

Мне хочется
выйти из себя
так что я иду в ванную
чтобы принять
холодный душ.

'Само уш̄т̄е алузӣӣт̄е ни ос̄т̄анаа
да н̄е поврзуваат со стварноста'
ти реков, кога ме враќаше
назад, во животот.

„Па тоа и не е некоја врска“
рече ти, правејќи се
дека немаш смисла
за алузија.

’Тогаш, како ќе се живее?’
прашав, онака начелно
како да не постојам
како да не постоиш.

„Нежно“, рече ти, нежно.

И пукна со прстите.
И светна со очите.
И мене ми светна.
И осамна.

>Только аллюзии все еще
связывают меня с реальностью<
сказала я тебе, когда ты возвращал
меня назад, к жизни.

«Но какая же это связь»
сказал ты, делая вид
что ты не видишь смысла
в аллюзии.

>Тогда как жить?<
спросила я для начала
будто меня нет
будто тебя нет.

«Нежно», сказал ты, нежно.

И щелкнул пальцами.
И сверкнул глазами.
И меня осенило.
И стало одиноко.

**Меланхолични
песни**

**Меланхолические
песни**

Melancholia:

филм од XXI и гравура од XVII век

Сонцето крева револуции
со денови на ред.
Три-четири помрачувања
за само неколку месеци.
Се стемнува пред да зајде.

*„Ако нешто мора да биде, прејушти се
не давај опшор“*, повторуваш ти.

’Немам искуство’, вела и почнувам
да пливам на грб, подготвена за сè
решена на сè.

*„Има повеќе причини
за нова ушопија, за една
романтична айокалијса.
Викај ја Меланхолија“*.

’Кога ќе мине невремето
ќе се види што останало
од тебе, што од мене, во овој свет’.

„Не секој се враќа од хипноза“
слушам еден друг глас, оддалеку и
давам сè од себе, да не се удавам.
Да се разбудам.

Melancholia:

фильм 21-го и гравюра 17-го века

Солнце затевает револуции
день за днем.
Три-четыре затмения
за несколько месяцев.
Темнеет еще до захода.

*«Если что-то должно случиться, расслабься
не сойротивляйся»*, повторяешь ты.

>Нет опыта<, говорю я
и плыву на спине, готовая ко всему
решившись на все.

*«Есть много причин
для новой ушопии, для
романтичного айокалијсиса.
Назови это Меланхолией»*.

>Когда пройдет непогода,
станет ясно, что осталось
от тебя, что от меня в этом мире<.

«Не все выходяи из гипноза»
слышу я какой-то другой голос издалека и
изо всех сил пытаюсь не утонуть.
Проснуться.

Зазор

Што е тоа што се сенее во далечината?
Дали сенка на облак паѓа над видикот
дали сонцето се помрачува
или ноќта се заноќува?

Ни сенка на облак паѓа над видикот
ни сонцето се помрачува
ни ноќта се заноќува –
тоа животот си ги прибира пљачките
пред да кидне, зад видикот.

Да беше живот, како што не беше
ќе скитав и ќе молчев.
Ама беше чудо врзано во јазол
па морав да го разврзам
со збор, со разбор.

Кога ќе се сетам, сетна сенко
на она што сум го заборавила
пред да го запознам?
Како да го признаам зазорот
од висините, од вишнините?

Страх

Что это виднеется вдаль?
Тень ли облака падает на горизонт
солнце ли гаснет
или ночь наступает?

Ни тень облака не падает на горизонт
ни солнце не темнеет
ни ночь не наступает –
это жизнь собирает вещи
перед тем как броситься бежать далеко.

Была бы жизнь такой, какой не была
я бы скиталась и молчала.
Но она была чудом завязанным в узел
который я должна была развязать
словом, присловьем.

Смогу ли я вспомнить, о тень воспоминаний
то что забыла
прежде чем запомнить?
Как признаться в ужасе перед
высотой, перед всевышностью?

Во зорт, си зборуваш самата себеси:

'Има начин. Претвори го времето во
йриказна, да не биде
ни жива вистина, ни чиста лага.

Ако не можеш во йриказна,
штогаш можеш – во јесна',
ми вели внатрешниот глас.

'Претвори го волшебното во стварно
стварното во волшебно
ја нека се среќнај
некаде на средина'.

В страхе говориш сама себе:

>Есѝ средство. Преврати время в
сказку, чтобы оно не было
ни чистой йравдой, ни явной ложью.

Если не можешь в сказку,
штогда в јесню<,
говорит мне внутренний голос.

>Преврати волшебное в реальное
реальное в волшебное
и пусть они встретятся
где-то йосередине<.

Мистичен страв

„Зошто ти се образите испиени?
Зошто ти е челото мрачно и набрчкано?
Зошто ти е душата толку натажена, а ставата сведната?

Зошто има болво твоето срце?
Оти Енкиду го снајде човечка судбина,
не е повеќе меѓу живите, а јас го спознав *сѝравој од смрѝша*
стравот од смртта.”

Гилгамеш, „Десетѝша ѝлочка“

Не се плашам од неа –
ми влегла под кожа
ми легнала во постела
и добро и зло делам со неа

го делам со неа –
и доброто и злото

*a diviŝŝe doaŝaaiŝ
a diviŝŝe doaŝaaiŝ*

не сакав да се приврзам
за неа, но таа кришум думаше
молкум шестеше
брбореше, варвареше, пипкаше
сѝ додека не ми се припикна
во сонот, чиниш еден блед отслик
кој чека стрпливо
да го исчека
вистинскиот миг
да ме зграпчи

Мистическиот страх

Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печално сердце, лице увяло,
Тоска в утробе твоей обитает

Энкиду, друг мой, –
Его постигла судьба человека!
Устрашился я смерти, не найти мне жизни!

Гилгамеш, ТАБЛИЦА X

Не боюсь ее –
она у меня под кожей
я ложусь с ней в постель
с ней делю и хорошее и плохое

делю с ней –
и хорошее и плохое

*no ѝриходяѝ дикие
no ѝриходяѝ дикие*

я не хотела привыкать
к ней, но она тайком думала
молчком мыслила
бормотала, варварствовала, щупала
пока не пробралась
в мои сны, как бледный отсвет
который терпеливо ждет
чтобы дожидаться
подходящего момента
чтобы схватить меня

чиниш една мистична рима
една засушна Сенка
од дами дамини
од дални длабини

*а дивий̄е доа̄аа
а дивий̄е доа̄аа.*

будто мистическая рифма
неотступная Тень
из давней давности
из ддальней дальности

*но й̄приходили дикие
но й̄приходили дикие.*

Трема

„Матери, ми се замили опачината
та нели сум смртно суштество
сенка на суштината
нели е време животот да не ми биде
толку мил, колку што ми бил, Мила

времето го пополнувам со празнини
тоа веќе не е поход
а одење со прескоци и падови, па
стварноста станува привид
повеќе општам со мртвите
одошто со живите
се селам од еден предел во друг
повторно номад
губам осет за разликите
сал по некоја заталкана смисла
за божественото ми воскреснува
во свеста, не желба за бесмртност
а уважение на смртноста.

И веќе можам да кажам:
Полесно ми е на душата.

Кога таа е подготвена
и јас сум подготвена.“

Тревожност

«Мама, мне все милее та сторона
ведь я же смертное существо
тень сущего
время пришло когда жизнь стала мне
не настолько мила, как прежде, Милая

время заполняю пустотой
это уже не поход
это хождение со взлетами и падениями
действительность становится иллюзией
у меня все больше общего с мертвецами
чем с живыми
и я кочую как номад
из одного предела в другой
я перестаню ощущать разницу
лишь некоторый заблудший смысл
божественного воскресает
в сознании, не желание бессмертия
а уважение к смерти.

Уже могу сказать:
Легче мне на душе.

Раз она готова
то и я готова».

Паника

„Признај, без слобода
не умееш да се соживееш
со сопствените мечти –
кога сакаш и колку што сакаш

слободата има опасна
врска со стравот –
ти му робуваш нему
слободата ти робува
тебе, затоа признај:

си беше еднаш едно долго
лишување од себеси
од ден на ден
за мир во куќата
немир во душата

за мир во куќата
немир во душата!“

Паника

«Признайся, без свободы
ты не можешь сжиться
с собственными мечтами –
когда хочешь и насколько хочешь

свобода опасно
связана со страхом –
ты становишься рабом его
свобода порабощает
тебя, признайся:

ты был когда-то долгим
лишением самого себя
изо дня в день
ради покоя в доме
беспокойства в душе

ради покоя в доме
беспокойства в душе!»

Признаци

Си мислиме
допрва ќе дојде
кога, таа одамна била тука

оставила траги во воздухот
се пикнала во јазикот
се вбригала во плунката
и дала мирис на кожата

густа леплива слуз
грешки во зборувањето
симпатичен заборав
збунети значења
тивка афазиа
меланхолично радување
инфантилно надевање

премногу доцна
премногу доцна.

Признаки

Мы думаем что
она придет потом
хотя она давно уже здесь

оставила следы в воздухе
пробралась в язык
растворилась в слюне
придала запах коже

густая липкая слизь
ошибок в разговоре
симпатичная забывчивость
нечеткие значения
тихая афазия
меланхолическая радость
инфантильная надежда

слишком поздно
слишком поздно.

Таа, Матери

Од каде овој трепет
ова шупливо шубе, Матери

од каде овој отпор да те препознаам
кога ми доаѓаш во привиденијата

та повеќе ти се плашам
на сон, одошто на јаве

толку ли е мала разликата
меѓу тебе, која раѓаш и
онаа другата, која ги зема
ројбите, назад

небаре луѓето се заем кој
треба да се врати
а човечката судбина заложувалница
на бесценети предмети

ја губат цената штом ќе се заложат
немаат моќ да го платат откупот

понекогаш забораваат што заложиле
па живеат *од денес до утре*
на штрек, без љубов

Она, о, Мать

Откуда этот трепет
этот пустой страх, о, Мать

Откуда у меня это нежелание узнать тебя
когда ты приходишь ко мне в видениях

да я больше боюсь тебя
во сне, чем наяву

настолько ли мало различие
между тобой, рождающей и
той другой, которая забирает ею
рожденных, назад

как будто люди это заем
который нужно вернуть
а человеческая судьба ломбард
бесценных вещей

которые теряют ценность при закладе
нет сил заплатить выкуп

иногда забывают что заложили
так и живут *ой сегодня до завтра*
в смятении, без любви

без дно, без ден
во бездна, севезден

или ти даваш или таа зема премногу
па никако да се раскусурите.

без дна, без дня,
в бездне, все дни

или ты даешь или она берет слишком много
и вам никак не разойтись.

Исповед

„Ако не се смета сонот
не знам што е исповед
ни што исповедник.

Нешто ме тера
да измислувам
да увеличувам
да премолчувам
да додавам
да разместувам
да менувам

а, ме копка
копитото на умирањето
и не кријам дека
поривите ми се разливаат
надвор од лежиштето
како добро изгмечено тесто
клацкано шампањско

саној чекам да ми се јави
меѓу редови, гласот на Бога
да не би да го изумам сонот
пред да го запознам

Исповедь

«Если не считать сна
я не знаю ни что такое исповедь
ни что такое исповедник.

Что-то заставляет меня
выдумывать
преувеличивать
замалчивать
добавлять
размещать
изменять

а меня топчет
копыто умирания
и я не скрываю что
мои порывы растекаются
из лежбища
как хорошо вымешенное тесто
как растрясенное шампанское

всю ночь жду чтобы явился мне
между строк голос Бога
чтобы я не забыла сны
до того как их запомнить

сеќавањето ми се преполнило
та збувнало
вулкан не му е рамен
огнена стихија тече

царство давам за добра ѝсна

и од утехата се откажувам
сè додека ми суфлира
стих по стих, стихови

Оној онаму Отаде
од Вишновата
градина.“

воспоминания меня переполнили
вскипели
вулкан им не ровня
течет огненная стихия

царство оидам за хорошие ѝсни

я от утешений отказываюсь
пока мне подсказывает
строчку за строчкой, стихи

Тот там Оттуда
из Вышнего
сада».

Мантра

Кални се патеките на постоењето
и разлигавени како падините на
Водно по поројни дождови, кога

*кай̄а̄ӣ кай̄авици кай̄, кай̄
од сий̄е сий̄рани
на сий̄варнос̄ӣа*

некаде далеку животот прета
седно мачка фрлена во вода
надоаѓа тропска влага

*научи ме да дишам
дај ми чист̄ӣ зрак
и надвор, и внатре
да се с̄иојам со себеси*

*Јас сум и не сум
Ум во ум, дух во дух
И душа сум, и не сум
И сум, и не сум.*

Мантра

Грязны тропы бытия
и скользки как склоны гор
после ливня, когда

*кай̄ае̄ӣ кай̄ель кай̄, кай̄
со всех сий̄орон
дейс̄ивий̄ельнос̄ӣи*

где-то далеко трепыхается жизнь
как кошка брошенная в воду
приходит тропическая влажность

*научи меня дышай̄
йошли мне чист̄ий̄ луч
и снаружи, и внутри
ч̄ӣобы слиш̄ься с собой*

*Я ес̄ӣь и меня не̄ӣ
Ум в уме, дух в духе
Я и душа, и не душа
Я ес̄ӣь, и меня не̄ӣ.*

Заблуда

Со години се залажував –
ќе го сетам ликот на Господ
по маргините на соништата
смислата ќе му ја доловам, каква и да е
па пишував, рисував, цртав
напишав толку многу
што почнав да блудам
меѓу зборовите и значењата
од себе се оддалечив
вистината туѓа ми стана, а

Него го немаше, или беше премногу
дискретен во појавноста

*слово во словото слово
тајна во тајнајта тајна
суштина прекршена во душата
на јазикот, во духот на народот
нешто повеќе од Човек, помалку од Бог.*

Кога еден ден го прочитав напишаното
снеможев од тремор
зборовите ми се повлекоа
зад тумбите на несвесното, отаде јазикот
неизглаголени варвари
многубожни пагани.

Заблуждение

Годами я обманывала сама себя –
я увижу лик Господень
в череде снов
уловлю его смысл, каким бы он ни был
и я писала, рисовала, описывала
написала так много
что начала путаться
в словах и значеньях
отдалилась от себя
истина стала мне чужой, а

Его все не было, или он появлялся
тайно,

*слово в слове слово
тайна в тайной тайне
сущность преломленная в душе
языка, в духе народа
нечто большее чем Человек, меньшее чем Бог.*

Однажды перечитав написанное
я остолбенела в волнении
слова ушли
к курганам неосознанного, по ту сторону языка
неизреченные варвары
многубожные языческие.

Апсолутен слух

Пак пливаш наспроти струјата
Пак одиш против себе.

Мајстор си станала во претворање
на невиното во грешно.

Од едно правиш две, од две – ни едно.
Кај тебе сè се случува пред да се збидне.

Кобиш и го повикуваш лошото.
Злото има апсолутен слух –
дизајнира, наивно, совршени злостори.

'Слушај се самата себе', вели Тој
ама не знае дека си имам работа
со душата, не со умот.

Абсолютный слух

Ты опять плывешь против течения
Опять идешь против себя.

Ты стала мастером по превращению
невинного в грешное.

Из одного делаешь два, из двух – ни одного.
У тебя все случается прежде чем сбыться.

Ты накликаешь и призываешь зло.
У зла абсолютный слух –
он наивно украшает совершенные злодеяния.

>Слушай саму себя<, говорит Он
но он не знает что я имею дело
с душой, а не с умом.

Мојата песна

Мојата песна – драматичен привсон
спомените ги пакува во стилски куфери
мислите ги крие во подземни потони
митски слики, тајници и скривници

мојата песна опева туѓи животи
трепери пред туѓи трауми
мојата песна желна светлина
по златниот пресек копнее повеќе
одошто по стварите и стварноста

навидум рамнодушна, мојата песна
блика од луцидност
оросена од трема

ни пости, ни постира
мојата песна напосто се простира
меѓу свесното и несвесното
меѓу вчера и утре
меѓу тебе и мене
отаде доброто, отаде злото
суштествува во исто време
на две три места

повеќе таму, одошто ваму
повеќе твоја, одошто моја.

Моя песня

Моя песня – драматический полусон
укладывает воспоминания в стилистические чемоданы
мысли прячет в подвалы
мифические картины, тайники, убежища

моя песня воспева чужие жизни
трепещет от чужих травм
моя песня жаждет света
мечтает о золотом сечении больше чем
о существующем и существенном

на вид равнодушная
в прозрачных бликах
орошенная тревогой

ни постится, ни постит
моя песня просто простирается
между сознательным и бессознательным
между вчера и завтра
между тобой и мной
между добром и злом
моя песня существует в одно и то же время
в двух-трех местах

больше там, чем здесь
больше твоя, чем моя.

Мера за безмерност

Од силното прелевање
на темнината во светлина
губиш осет за имање
се пресегаш подалеку
од стварноста
од другата страна на
поседувањето

песната си има своја судбина
поетски хороскоп
независно од тебе
после, најпосле

и онака тебе животот ќе ти
помине пред да се сетиш на
минливоста, пред да го смениш
на арно или неарно
пред да му чепнеш во смислата

а смисла има и кога ја нема
безмерна, смерна
таа наима, двосмислена.

Мера безмерности

От постоянного перетекания
из темноты в свет
теряешь ощущение реальности
уходишь все дальше
от действительности
от другой стороны
обладания

у песни своя судьба
поэтический гороскоп
независимо от тебя
потом, совсем потом

и так жизнь пройдет
прежде чем ты осознаешь ее скоротечность
прежде, чем ты ее поменяешь
на хорошее или плохое
прежде чем докопаешься до ее смысла

а смысл есть и даже когда его нет
безмерный, соразмерный
осмысленный, двусмысленный.

Ода на слободата

Од искуство знаеме
треба добро да го познавате просторот
за да се движите во мрак.
Или да бидете слепи и да гледате
сеќавајќи, пипкајќи

*дойиро̄ӣ е свей̄ол сной̄
̄тивко сеќавање
ин̄̄имно̄ ̄ре̄й̄ознавање
на ̄редме̄й̄ӣӣе.*

И мракот дури ќе го доживеете
како сопствената кожа.

Бездната ќе ве влече удолу
небото ќе ве вика угоре
вие ќе се соедините
таму каде што ќе се вкрстите
на крајот, како на нов почеток.

Еден топол збор ви фали
за да жугнете.
Потем е лесно –
волјата ќе си го направи своето
ќе ве изведе на чистинка

Ода слободe

Из опыта известно
нужно хорошо ощущать пространство
чтобы двигаться в темноте.
Или быть слепыми и идти
по памяти, на ощупь

*̄рикосновение – свей̄лый сной̄
̄тикое ощущение
ин̄̄имное узнавание
̄редме̄й̄ов.*

И тьму вы будете чувствовать
как собственную кожу.

Бездна влечет вас вниз
небо зовет вверх
а вы соединитесь
там где скреститесь
на краю, как в новом начале.

Вам недостает одного теплого слова
чтобы воспрянуть.
Потом легко –
воля сделает свое
выведет вас на полянку

да го гледате изгревот
од различни перспективи:
жабја, птичја, и конечно
човечка. Не 3D, а три билиони.
Очи в очи, лице в лице.

Тогаш ќе се вознесете
повикувајќи ја слободата
онаа *прва и последна*
онаа загубена
но пронајдена

ох, да, *ода на слободаӣа*.

чтобы вы увидели восход
с разных точек зрения:
лягушечьей, птичьей и наконец
человеческой. Не три, а три миллиарда измерений.
Глаза в глаза, лицом к лицу.

Тогда вы вознесетесь
призывая свободу
ту *первую и последнюю*
ту потерянную
и вновь обретенную

о, да, *ода свобода*.

Надежта умира последна

*Жими живо̄ой̄ой̄, жива сум
на живо̄ой̄ не мислам.
Живеам желно жална
жално желна.*

’Има надеж’, ми вели Животецот.
Можеби отсуството ќе створи
желна жалба.
Можеби желбата ќе стане опсесивна
опсесијата ќе се претвори во
ниска страст
можеби ќе мрееш од трепет
дланките ќе ти се потат
грлото ќе ти се суши
сув студ ќе се стутка
во стомакот, а ти дури
нема ни да знаеш
од што точно страхуваш.

Темното лице на похотата
ќе добие облик на ненаситен
зазор од загуба.

Надежда умирает последней

*Жизнью клянусь, я жива
о жизни не думаю.
Живу желая жалея
жалея желая.*

>Есть надежда<, говорит мне Житьишко.
Может быть отсутствие сотворит
желанную жалость.
Может быть желание станет опсесивным
обсессия превратится в
низменную страсть
может быть тебя охватит дрожь
ладони влажные
в горле пересохнет
холод свернется
в желудке, а ты даже
не будешь знать точно
чего ты боишься.

На мрачном лице похоти
появится выражение ненасытного
страха потери.

*Залудно ѝосакуваш
сѝрасѝа да биде ѝасија*

се коти гадинката, гневно гревче.
Паѓаш пониско одошто можеш
и да замислиш.
Бесови те морат.

Азурот на вишите сфери е веќе
бледо сеќавање, во ситни секвенци
отаде јазикот. Пелтечиш на јаве
сонот ти е само изговор.

*Флеш. Иш. Иш.
Иишишишишишиши*

*Тщетно желаеш
чѝобы вожделение сѝало сѝрасѝью*

вылупляется букашка, гневный грешок.
Падаеш ниже чем можешь себе
представить.
Бесы тебя мучают.

Лазурь высших сфер теперь лишь
бледное воспоминание, в мелких последовательностях
вне языка. Лепечешь наяву
твой сон только отговорка.

*Всѝышка. Пш. Пш.
Пшшшшшшшшшшшш*

Сол и вода

Со пливање се успокојувате
како со молитвење
и на изгрејсонце
и на зајсонце

толку многу стрес
имате насобрано во телото
толку студ во коските

што кога ќе ве допре пената
на морето, се штрекнувате
од длабок кошмар
и ги отворате очите, блажено
како по добра масажа.

Така бебешки лесни, ќе посакате
да се испружите во сланикот
да се претворите
во сол и вода
леб и вино
пловни слова
вие, сплавари
меѓу долниот и горниот
свет.

Соль и вода

Плавание успокаивает
как молитва
на восходе
и на закате

столько стресса
собрано в теле
столько холода в костях

что когда вас коснется пена
морская, вы очнетесь
от ужасного кошмара
и откроете глаза, блаженно
как после хорошего массажа.

И, легки как младенец, захотите
расслабиться в солености
и превратиться
в соль и воду
хлеб и вино
пльвущие слова
вы, паромщики
между верхним и нижним
миром.

Обред на прочистување

Во мигови на љубов со заливот
нуркаш и забораваш
на сè друго.

Божицата на рамнодушноста
ти ја гланца душата
тој песочник кој се прелева
од полно во празно
од празно во полно
па се прочистуваш
не толку симболично
колку стварно.

Во чинот на парењето, потонуваш
длабоко во себе, како во море
и не ти недостасува растојание
и не посакуваш да се вратиш.

Објективните разлики
субјективно исчезнуваат.

Веќе си наводенета психа
ослободена од страв.
Богу мила, Емануела од Хемос.
И едно си со себе, еднољубно.

Обряд очищения

В моменты любви с заливом
ныряешь и забываешь
обо всем.

Богиня равнодушия
глянцует тебе душу
песочные часы, перетекающие
из полного в пустое
из пустого в полное
так ты очищаешься
не столько символически
сколько на самом деле.

В миг спаривания тонешь
глубоко в себе, как в море
и тебе не недостает расстояния
и ты не хочешь вернуться.

Объективные различия
субъективно исчезают.

Теперь ты – намокшая душа
свободная от страха.
Богу милая, Эммануэль моавитянка.
И едина ты с собой, единолюбовна.

Едно – кога сè ти е сеедно
во таа мистична хармонија
во таа виша еднодушност.

Со исполнета душа
ги отвораш очите
на крајот на светот
како нова.

Едина – когда тебе все едино
в мистической гармонии
в высшем единости.

С полной душой
ты открываешь глаза
на краю света
обновленная.

Блаженство

Пливајќи, неосетно, се внесуваш
сосема во пливањето.
Конечно, ќе те биде.

Во тој мӣ не̄ постои ништо друго.

Пливаш и се составуваш со себе
тонејќи во без-тежинска состојба
не си веќе ти, па сепак
не си тежиш самата себеси
без баласт, чиста а полна
како уметничко дело
ни самољубие, ни еднољубие.

Во тој мӣ не̄ постои ништо друго.

Се слеваш во себеси, се прелеваш
од еден во друг сад. Постои
една сушност која е повеќе од целошта.

Во тој мӣ не̄ постои ништо друго.

Чувствуваш, значи постоиш
едно си со себе, едно со водата

Блаженство

Плывя, ты незаметно
всецело отдаешься плаванию.
Оно захватывает тебя полностью.

В этой момент̄ не существует̄ ничего̄ друго̄.

Ты плывешь и соединяешься с собой
тонешь в невесомости
ты уже не ты, и все же ты
не чувствуешь собственного веса
никакого балласта, чистота и наполненность
как в творении художника
ни самолюбия, ни себялюбия.

В этой момент̄ не существует̄ ничего̄ друго̄.

Сливаешься с собой, переливаешься
из одного сосуда в другой. Есть только
одна сущность которая больше целого.

В этой момент̄ не существует̄ ничего̄ друго̄.

Чувствуешь, значит существуешь
единое целое с собой, единое целое с водой

едно со светлината просветлена –
чувар на чистите пориви.

Во тој мӣ не̄ постои ништо друго.

Уживајќи, паѓаш во транс
и забораваш
каде си, што си
во мигот на без-страстие
не се поставува
прашањето на смислата.
А одговорот го имаш.

*Во тој мӣ не̄ постои
ништо друго.*

едино целое со светом просветленная –
хранитель чистых порывов.

В этой момент̄ не существует̄ ничего друго̄го.

От наслаждения впадаешь в транс
и забываешь
где ты, кто ты
в миг бес-страстия
не ставится
вопрос о смысле.
А ответ ты знаешь.

*В этой момент̄ не существует̄
ничего друго̄го.*

Доме, сладок доме

Дом, милый дом

Дивите коњи на Галичица

„Нашата слобода е тиранин
а ние, зависни од дивината
(и по крв, и по дух)
сезеден ѝ се покоруваме –

Јаздиме екстатично
без седло, без оглав, без почин
место не нè држи
сон не нè фаќа –

Јуриме по сртот
под вишното небо
како страсно моме
над горостас маж –

Нашето деноноќие не знае
што е тоа точно време
просторот нè маѓепсува
имаме очи на риба
со поглед на две езера
едното бело, другото црно –
не ни е дадено да бираме
да се скрасиме.

Дикие кони Галичицы

«Наша слобода – тиранин
а мы, зависящие от дикости
(и по крови, и по духу)
всегда ей покоряемся –

Скачем в экстазе
без седла, без упряжи, без роздыху
месту нас не удержать
сну нас не обороть –

Несемся по хребту
под высоким небом
как пылкая дева
над мужчиной-горой –

Наши сутки не ведают
точного времени
пространство зачаровывает нас
у нас рыбы глаза
будто два озера
одно белое, другое черное –
не дано нам выбирать
как себя украсить.

Ние, крдо нескротени мажјаци
кобили, ждребиња
сите на два ума, дума невидима
дом домиме, утеха во питома
пустелија бараме
тевна сладост во темен писок.

Папсани од слобода
– саможиви јуродиви гриви –
заробени од убавината како од уплав
бегаме од сопствената сенка
крикаме, вискаме, тропотиме, дивееме

сè бегаме, а сè сме тука
сè, само да не се припитомиме
се париме во страв
и раѓаме со страв
и љубовта ни е соочување со стравот
тремор и трема во тремот
на природната смрт.

Од далеку гледај нè Кротителу
покажи го крвкото лице на
слободата, дај ни малку љубов

оти, каде понатаму
со овој вишок слобода
– ние не знаеме!“

Мы, табун неукротенных жеребцов
кобыл, жеребят
у каждого свой ум, дума невидимая
дом обживаем, утешение в освоенной
пустыне ищем
мирную сладость в темных звуках.

Загнанные свободой
- себялюбивые юродивые гривы –
рабы красоты мы как от наводнения
бежим от собственной тени
кричим, ржем, бьем копытами, яримся

бежим, но все еще здесь
что угодно, лишь бы не обуздали
спариваемся в страхе
и рождаем со страхом
и наша любовь есть свидание со страхом
тремор и трема в преддверии
естественной смерти.

Посмотри на нас издалека Укротитель
покажи хрупкое лицо
свободы, дай нам немного любви

ибо что делать дальше
с этой ненужной свободой
– мы не знаем!»

Мирисите на Папрадиште*

И оние кои не постојат, таму постојат.
Се шират по широките падини
по росните папрати, повитот и смилот
меѓу леските и висовите
под изворите и исконите
низ буките и азбуките
на Мијачијата – онаа земја
понасевер, кон Горна Македонија
до кај што стигнале Мијаците
отстапувајќи пред налетот на поганиот;

онаа земја кај што и сенките имаат име:
Бабина рупа, Брегови, Чеплес,
Вражји дол, Гарванска црква,
Горни нивје, Кулата, Маркова чешма, Мочур,
Празни торба, Слана вода, Сланик...

Во клинч фатени, во стапицата на
времето напред и времето назад
запукале пругоре, ценем
кон гледалиштето, кон огништето
за да се пулат спроти глетките
од коишто умот би поштукнал
и да се ородат со природата.

* Папрадиште – село во Р Македонија.

Запахи Папрадища*

Там есть даже несуществующие.
Ширятся по широким лощинам
по папоротникам в росе лозинке и бессмертникам
среди орешин и вершин
у исконных истоков
там где буки и азбуки
земли мияков – этой земли
к северу, в Верхней Македонии
досюда дошли мияки
уходя от нападения погани;

этой земли где и у теней есть имена:
Бабья яма, Берега, Чоп,
Вражий дол, Воронья церковь,
Верхние нивы, Башня, Марков источник, Болото,
Пустая сума, Солёные воды, Солонец...

Скованные в клинче, в капкане
времени до и времени после
пошли трещинами вверх по склону
к сцене, к очагу
чтобы потарашиться
на умопомрачительные виды
сродниться с природой.

* Папрадище – село в Македонии.

Свои на своето, да се своеваат.

Со сета ука дарена од Бога
и самоукоста на паталци
зографи, и неимари и вејилки
им дале предност на сетилата –
на мисковината, таа света хемија
на светот, тој нектар кој успива и буди
опојно, лечебно, жизнерадосно

о мирислив поју, опеј ја преселбата на
душите, оваа очајна желба
за живот, овој метеж од спомени

оти кај што има вишок минато
има вишок делби
мирис на нов помор
се насетува во воздухот
рика, вие, реве, рида.

Свои осваивающие свое.

С ученостью дарованной от Бога
страдальцы, самоучки
изографы, и зодчие и вышивальщицы
изострили органы чувств
мускусом, святой химией
мира, нектаром что усыпляет и будит
упоительно, целебно, жизнерадостно

о, песнь запахов, воспой переселение
душ, отчаянное желание
жить, безумие воспоминаний

ибо там где много поминок
много и расставаний
запах нового мора
ощущается в воздухе,
рычит, вьется, ревет, рыдает.

Св. Ѓорѓи ја убива ламјата

1.

„И кога безимен бев
и кога имиња клада цела
ми накладоа, да се збунам и јас самиот
а не само Вие, Пелазги отаде Пела –
на север, на југ, на исток, на запад

на Ѓурѓовден, кога воскреснува природата
кога се двои живото од мртвото
сувото од суровото

Кога гатанка мене ме престорија
малкумина што ја знаат
– гатачи, гледачи, видари, врачеве
пророци, наречници
– проклетници, месици, опседнати
па и поети

Кога со векови векував во длабока сенка
невиден, осамен, и на сведен, и на делник
измеќар на буките стројни на времето
лишен од вистината
обременет од преданија
од бајки и приказки

Јас Димитрија Солунски
Јас Ѓорѓија Кастриот
Болен Дојчин, Кралче Марко, јас

Св. Георгий убивает дракона

1.

«И когда я был безымянным
и когда имен целый костер
мне наложили, чтобы я сам запутался
а не только Вы, пелазги за пределами Пеллы –
на севере, юге, востоке, западе

на Юрьев день, когда возрождается природа
когда живое отделяется от мертвого
сырое от сурового

Когда меня превратили в загадку
которую мало кто знает
- гадалки, зрители, знахари, ворожеи
пророки, нареченные
- проклятые, мессии, полоумные
ну и поэты

Когда века вековал в глубокой тени
невидимый, одинокий, в праздники и будни
слуга стройных букв времени
лишенный истины,
отягощенный преданиями
сказками и байками

Я Димитрий Солунский
Я Георгий Кастриот
Болен Дойчин, Король Марко, я

станав лик на привид
сит од многуте
преживеани животи
уморен од преродби
восхитен од моќта на
умот од оној задумен Ум
на душата, од онаа душа
одушевена од Умот

станав обличје на мисла станав
утроба на зборот
се овоплотив и ве овоплотив

матка на мајка, на жена, на сестра
пламен на светлината
светлина на пламенот
божев и божествен, бел, румен и жолт
меч меден на машката моќ –

се вдолив во екстазата
на оплодувањето, кога насладата
се устремува отаде смртта
и кога се зачнува
нов живот.“

стал похожим на привидение
мне тягостны мною
прожитые жизни
я устал от реинкарнаций
я восторгаюсь силой
разума и за-умным Разумом
души, той души,
воодушевленной Разумом

я стал обликом мысли я стал
утробой слова
я воплотился и вас воплотил

утроба матери, жены, сестры
пламя света
свет пламени
божый и божественный, белый, красный и желтый
медовый меч мужской силы –

я сроднился с экстазом
оплодотворения, когда наслаждение
устремляется подальше от смерти
и когда зачинается
новая жизнь».

2.

И, ете, станав чинка и магија
станав драма на постоењето
слика и прилика на злодоброто

во тој неповторлив миг
кога се кати темнината
и се збиднува светлината

тој миг кога излегуваме надвор од
себе и Јас, и не-Јас, и Тој, и не-Тој

тој миг кога се повлекува реска црта
меѓу машкиот и женскиот облик

тој миг кога Вишниот

се помирува со разликите

во име на раѓањето

во име на создавањето

во име на Светата Троица

третиот кој не определува

третиот кој сведочи

третиот кој свети

над нашите глави –

дете, гaleb, оган, архангел и дух

2.

«И вот, я стал волшебством и магией
я стал драмой бытия
образом и подобием зла и добра

в тот неповторимый миг
когда лущится тьма
сбывается свет

тот миг когда мы выходим из себя
и Я, и не-Я, и Он, и не-Он

тот миг когда проводится резкая грань
между мужским и женским обликом

в тот момент когда Всевышний

примиряется с различиями

во имя рождения

во имя созидания

во имя Святой Троицы

третий кто нами правит

третий кто свидетельствует

третий кто сияет

над нашими головами –

дитя, чайка, огонь, архангел или дух

во тој свечен миг
кренав рака високо
и го забодев светлиот
меч во црното
од црно поцрно
и крв потече

црвена точка на црна површина
а горе Бело.

И скокнав во сликите.
По црквите и музеите.
По куките и умовите.

И сега Сум јас
дел од вас.“

в тот торжественный момент
я высоко поднял руку
и вонзил сияющий
меч в черное
чернее черного
и кровь потекла

красная точка на черной поверхности
а выше Белое.

И я вошел в картины.
В церкви и музеи.
В дома и умы.

И теперь Я
часть вас».

Медитација на тема езеро

„Знаеш ли каде паѓа
првиот сончев зрак изутрина
каде паѓа, од каде запаѓа –
на кој свијок на планината
од Галичица до Петрино
сè до Варош и Окото на Охрид
и потаму кон Калишта и Радожда
во Домот на Мајката Макеа
Macedonia Prima
Macedonia Secunda
Tertia & Ultima?

Знаеш ли каде се фрлаат првите мрежи
каде се фрлаат, од каде префрлаат
за да фатат, да зафатат –
ем белвици, ем летници, плашици и
мрени премрени, на смрт уплашени?

Знаеш ли од кој вир извира
ова штедро врело, овој говор разговор
каде точно бликаат вротоците
поштедени од штурска театралност?

Знаеш ли каде влечат струите
спирално и стихийно, ко црни јами

Медитација на тему озеро

«Знаешь ли ты куда падает
первый солнечный луч утром
куда попадает, откуда падает –
на какой излом горы
от Галичицы до Петрина
до самого Вароша и Ока Охрида
и дальше к Калиште и Радожде
в Дом Матери Мачехи
Macedonia Prima
Macedonia Secunda
Tertia & Ultima?

Знаешь ли ты куда бросают первые сети
куда бросают, откуда забрасывают
чтобы уловить, чтобы выловить –
и белвиц и летниц и плашиц и
сомов сомлевших, до смерти напуганных?

Знаешь ли ты из какого источника истекает
это щедрое кипение, этот говор разговор
где точно блещут источники
не знавшие пустой театральности?

Знаешь ли ты куда влекут струи
спирально и стихийно, как черные дыры

ко историја која се повторува
до бесвест?

Знаеш ли каде алгите редат
лигави, лити наслојки
та да ги држиш, а да не можеш
да ги додржиш, та да пливаш
а да не можеш да испливаш

Сè додека не изземнеш
во сенката на дивата убавина
Сè додека не се престориш цибурина
игра на светлината, чигра на умот
сино привидение, од мугра до самрак –
Сè додека не почнат да се местат
шарките како што се мрестат
рибите околу наоколу есерото
во сирка и прозирка завиено
смирено розово, штукнато розово
боја на цреши
понекогаш набрекнати
понекогаш пожелтени
ко тутун на низа навалени
над залезот, како на рамо
на коешто се успива водата –
и кога бранува, и кога не бранува
и кога крева далги
и кога не крева.“

как история повторяющаяся
до бессознательности?

Знаешь ли ты где ряска ложится скользкими
отмершими наслоениями
которые держишь, не удержишь
плывешь, а не выплывешь

Пока не продрогнешь
в тени дикой красоты
Пока не превратишься в лед
игру света, игру ума
в синее привидение, от рассвета до заката –
Пока не начнет нереститься
как рыба пестрота
вокруг и около озера
вьющегося в щелях и расщелинах
смирено розового, исчезающе розового,
цвета черешен
то набухших,
то пожелтевших
как нанизанный табак, навалившихся
на закат, как на плечо
на котором засыпает вода –
и когда волнуется, и когда не волнуется
и когда поднимает волны
и когда не поднимает».

Амфитеатрално

Машкиот хор пее акапела
на сцената на амфитеатарот
а ние, растуруени по скалите
градени за совршена акустика
слушаме и гледаме, сè повнатре.

Овде некогаш била Македонија
римска провинција.
Источното Царство зирка
од црквите наоколу.
Под видливите, се пребројуваат
затрупаните светови.
Еден врз друг, јавачи
на мрачната еротика
на повеста.

„Ова не е град, ова е миракула“ –
мислиш гласно.

А нашата историја, нашата макеа
подготвува нови поставки.
Клапа по клапа.
Пробите завршија, генералката исто така.

Амфитеатралное

Мужской хор поет а капелла
на сцене амфитеатра
а мы разбросаны по ступеням
построенным для совершенной акустики
слушаем и смотрим изнутри.

Здесь когда-то была Македония
римская провинция.
Восточная империя выглядывает
из церквей вокруг.
Под видимыми мирами – бесчисленные
пласты разрушенных миров.
Один поверх другого, оседлав
мрачную эротику
повести.

«Это не город, это миракль» –
думаешь вслух.

А наша история, наша мачеха
готовится к новым постановкам.
Хлопает хлопущка.
Репетиции позади, прогоны тоже.

Сите сеќаваме – некој струга по
нашето тело, на голо, на живо
некој брише што може да се
избрише, потем монтира
небаре отсекогаш било
токму така како што не било.

Изида си ги трие солзите
на отсутното лице
Дедалус се плаши да лета
Хермес се препотува
штом треба да ги протолкува
денешните времиња, а
Дионис не знае зошто, ама и
понатаму, наздравува.

„Нема логика, сила кај што има“
вели народот.

’Има’, велам јас.
Има.

Мы все чувствуем – кто-то остругивает
наше тело наголо, по живому
стирает что может
стереть, потом монтирует,
будто всегда было
так как не было.

Изида вытирает слезы
на несуществующем лице
Дедал готовится к полету
Гермес обливается потом
при попытке истолковать
нынешние времена, а
Дионис не знает почему, но и
далее произносит здравицы.

«Нет логики там, где есть сила»
говорит народ.

>Есть<, говорю я.
Есть.

Театар на сенки

„А што ако ми доаѓаш на сон
не само заради сонот и сонувањето –

И што ако на сон ја гледаш иднината
не од љубов, туку законито –

И што ако сонот му претходи на јавето
И ако во сонот домуваат мртвите
И ако симболите се свет за себе
а ти си дел од тој свет, веќе виден –

И што ако заспиеш во длабок сон
И ако не се разбудиш на време, па
скубнеш усвет –

И што ако се навикнеш на оваа
традиционална македонска алхемија
– златото да се претвора
во железо?

Што после?“

Театр теней

«А что если ты приходишь ко мне во сне
не только ради снов и сновидений –

И что если во сне ты видишь будущее
не по любви, а по закону –

И что если мой сон предвосхищает явь
И если во сне живут мертвецы
И если символы – мир в себе
а ты часть этого мира, но видимого –

И что если ты заснешь глубоким сном
И не проснешься вовремя, а
очнешься –

И что если ты привыкнешь к этой
традиционной македонской алхимии –
превращению золота
в железо?

Что потом?»

Кревка Дома

Кај и да погледнеш
додека пливаш
сè медуза до медуза
да ти се згади
светот – опасен, лигав
со триста бои премачкан

со звук на стиропор
на тормоз и тиранија
мал прасок за голема
трагедија, дома –
таа кршлива
таа кротка дома –
да ја ѓушнеш
да ја качиш на рамо
да ја носиш далеку одовде
да ја носиш од немајкаде
одовде до вечносџа.

Хрупкии Дом

Когда плывешь
куда ни глянь
одни медузы
мерзким кажется тебе
мир – опасным, скользким
перемазанным тремьятами красками

с пенопластовым звуком
мучительным, тираниющим
слабый треск, ведущий к большой
трагедии, дом –
хрупкий
кроткий –
возьмешь в охайку
взвалишь на ѓлечо
ѓонесешь далеко оѓсюда
ѓонесешь оѓѓ безѓсходносѓѓи
оѓсюда в вечносѓѓь.

Фатени во стапица

Најдени во небрано
реведе по склавиниите
на нашата земја
сиркаме отаде видливото
се спрепнуваме од алчност
од зли намери и ниски пориви
го пелтечиме неизречливото

додека нè гонат
од Златниот пресек
на ропството и слободата
од мечот со четири сечила
од ова мрестилиште
на 'понижени и навредени'
од ова огниште од коешто
во неврат се селат
потомците на огнот
нашата челада, нашата надеж

сотрени, во кош втерани
фрлени во состојба на
долго трпење, на страв и трепет
од шок не можеме да се соземеме
па молчимо, и дење и ноќе
ден-из ден денот ни станува ноќ

Пойманые в капкан

Застигнутые врасплох
мы реведе по склавиниям
нашей земли
заглядываем по ту сторону видимого
трепещем от алчности
от злых помыслов и низких порывов
бубним неизрекаемое

в то время как нас прогоняют
от Золотого сечения
рабства и свободы
от меча с четырьмя лезвиями
из этого нерестилища
>униженных и оскорбленных<
с этого очага от которого
безвозвратно выселяются
потомки огня
наши дети, наша надежда

стертые, в угол загнанные
обреченные на
долготерпение, на страх и трепет
от шока мы не можем прийти в себя
так и молчим, и днем и ночью
день изо дня день для нас становится ночью

а сонцето – мислена именка
сонцулето наше не-наше
чекаме да изгрее
ја на Исток, ја на Запад –

*Ние туго не земаме
своејто го даваме.*

а солнце – вымышленное существительное
солнышко наше не-наше
мы ждем что оно взойдет
на Востоке, на Западе –

*Мы чужого не берем
свое отдаем.*

Балканска дропка

*Си била еднаш една балканска дройка.
Ја делел кој ќе сѝиѓнел во оние волнени времиња
коѓа се зборува едно, а се мисли друго.*

Еден ден, од деловите повторно
ќе правиш целина. Скршена
– ќе лепиш, ќе шиеш, ќе кроиш.
Деловите ќе ги бараш растуруени
ширум светот.
Од бестрага ќе правиш трага.
Ќе се навикнуваш на фалинките.
Дури и мозаикот ќе биде
несовршен, со празните места и
загубените коцки.

Ако имаш среќа, ќе се сеќаваш
на совршенството.
Ќе се сомневаш во сè што се случило.
Ќе бидеш толку разнебитена
толку раздробена
толку огрдена, што ќе молиш

за право да постоиш.

Ќе извлечеш ли поука
да живееш со стил

и со стил да се вратиш
на својот посед

ако сè уште постои
ако ти постоиш.

Балканская дробь

*Ты была когда-то единой «балканской дробью».
Ее делил кто хошел в эти тревожные времена,
когда говорилось одно, а мыслилось другое.*

Когда-нибудь вновь из частей
ты будешь складывать целое. Сокрушенное
– будешь склеивать, сшивать, перекраивать.
Ты будешь разыскивать обломки разбросанные
по всему свету.
Искать следы бесследно пропавшего.
Привыкнешь к дефектам.
Все равно мозаика будет
с изъянами, с пустотами
и потерянными кусками.

Но если повезет, она будет похожа
на былое совершенство.
Ты будешь сомневаться в том что было.
Будешь такой испуганной
такой заброшенной
такой обезображенной, что будешь молить

о праве на существование.

Научишься ли ты
жить в своем стиле

и в своем стиле вернуться
на свое место

если оно еще будет существовать
если ты будешь существовать.

Да имаш, па да немаш

Често, кога гледам како се распаѓа
државата, помислувам, иронично
– народите кои опстануваат
се вешти играчи
и кога блефираат
и кога фалсификуваат
и кога се подбиваат
со она што било
како да не било.

И овој раскол во куќата
има некоја обратна смисла.

И оваа прокоба да докажуваш
по којзнае кој пат, дека
постоиш.

И да се сведеш
на редок пример
за тоа што значи –
да имаш, па да немаш.

Да бидеш обична
стилска фигура. Поука
за другите.

Ирония

Часто, кога вижу как распадается
государство, я думаю с иронией
- народы которые выживают
искусные игроки
и когда блефуют
и когда фальсифицируют
и когда подначивают друг друга
тем что было
будто не было.

И этот раскол в доме
имеет некий обратный смысл.

И эта злая судьба доказывать
кто знает в который раз, что
ты существуешь.

Свестись к редкому
примеру
того что значит –
иметь, не имея.

Быть обычной
фигурой речи. Уроком
для других.

Монета за раскусување

Свечкањето на монетата
не ни дава здрав сон
нè буди предвреме
нè тера да излеземе
надвор од себе
да пискаме –
светот е планетарен
ритуален театар

нас овде, под старите планини
паника нè фаќа
оти веќе нема надеж
веќе нема кој да ја сопре

оваа епидемија на оспорување
оваа игра на раскусување
ова посегање по туѓото
овој гаволски порив
оваа клетва
– да се мерка туѓото како свое
сè додека не се освои

овој балкански рулет
оваа вртелешка!

Разменная монета

Звон монеты
не дает нам спокойно спать
будит нас раньше времени
заставляет выходить
из себя
кричать –
мир это глобальный
ритуальный театр

нас тут, у древних гор
охватывает паника
нет надежды
уже некому остановить

эту эпидемию спора
эту игру с разменом
это посягательство на чужое
это дьявольское желание
это проклятие
– зариться на чужое
чтоб его присвоить

эта балканская рулетка
эта безумная карусель!

Растур куќа

И ете, светот се распадна
на дребни делчиња:
од склоп стана
зглоб до зглоб
глоба до глоба

интимата е пробиена
ништо не е неприкосновено
ништо свето
ни јазикот
ни земјата
ни историјата
ни иднината

само ефемерието на
личниот имот

проклет да е овој заборав
на заедничкото Добро
оваа заслепеност пред злото
оваа кусогледост
оваа ситна душа –
крупна беспатица!

Дом вверх дном

И вот, мир распадается
на мелкие части:
из целого стал
сустав за суставом
штраф за штрафом

плева пробита
ничто не остается неприкосновенным
ничто не свято
ни язык
ни страна
ни история
ни будущее

только эфемерность
личного имущества

да будет проклято это забвение
общего Добра
это ослепление перед злом
эта близорукость
эта мелочность души –
большая распутица!

Агонија

Гледам, си го стиснала дублето
меѓу прстите, си се помирила
со привидот и умееш со сурогатите
и секој ден си сè повешта
марионета, и домот ти е
куклен театар –

па се прашувам –
уште колку долго ќе издржиш
без воздух, и што ќе биде
кога ќе се симнат маските
кога ќе се оддвои
сувото од суровото
и кога ќе те прашаат –

*'За кој ѓавол сеџа оваа ујдурма
овој рџуал на жрџивување
оваа кокејно самозајалување
оваа варварска криенка-миженка
оваа саџурналија
овој џанаџур на суеџи?'*

А сонцето ќе легне суверено на хоризонтот
и за последен пат ќе одблесне
жар жаросано, од зад жар планината

Агония

Вижу, ты стиснула позолоту
между пальцами, примирилась
с иллюзорностью и ладишь с суррогатами
с каждым днем марионетка из тебя
все искуснее, и твой дом
кукольный театр –

и я спрашиваю себя –
сколько ты еще выдержишь
без воздуха, и что будет
когда спадут маски
когда отделятся
злаки от плевел
и когда тебя спросят –

*<На кой черџ все эџо вранье
эџа рџуальная жерџивенносџь
эџо кокејливое самосожжение
эџа варварская иџра в џряџки
эџи саџурналии
эџа ярмарка суеџы?>*

А солнце сувереном ляжет на горизонт
и в последний раз блеснет
жаркой жаровней, из-за жар-горы

и ќе те потсети на времето
кога ти било убаво

ти ќе посакаш
да потрае агонијата
тоа *на-џи-џо-гај-ми-џо*
тоа *иди-ми-дојди-ми*

и ќе набљудуваш како
екстазата на залезот
се претвора во коктел од бои
во раскошен гемишт
кој не е за пиене, туку
за впивање во сеќавањето,
она што некогаш некој ќе го
нарече историја

ти знаеш што е опасно по живот
ама, сепак, се залетуваш
право кон него, како замајана
и не ти е доволно да го голташ
со поглед, туку го лизнуваш
со сласт и си ги лижеш
прстите
уште долго, сè додека не зајдеш

и самата, земјо моја!

и напомнит тебе о времени
когда тебе было хорошо

ты захочешь
продлить агонию
это *на-џебе-џџо-гай-мне-џо*
это *уйди-ой-меня-йриди-ко-мне*

и будешь наблюдать как
экстаз заката
превращается в коктейль из красок
великолепную смесь
не чтобы ее пить, а
чтобы ей упиваться в воспоминаниях,
в том что когда-то будет
называться историей

ты знаешь это опасно для жизни
но все же летишь
прямо к нему, как зачарованная
и тебе недостаточно впиваться в него
взглядом, ты его лижешь
со сладью и облизываешь себе
пальцы
еще долго, пока не зайдешь

и сама, земля моя!

Втора 'азбучна молитва'

„По толку лета
пак иде Час да Те молам
Тебе, Творец на сè видливо
и невидливо, врати се
меѓу Словените
во Македонија, спаси го
нивното 'пространо слово'
од иноречие, од празнословие
изведи едно од твоите
преславни чуда

да биде Речта македонска
чудотворна
да биде животворна
да биде добротворна
да биде делотворна
да биде светотворна
да просветли, да сплоти, да исцели
да преживее, да надживее, да доживее
да Биде!“

Вторая >азбучная молитва<

«После стольких лет
опять пришло Время молить
Тебя, Творца всего видимого
и невидимого, возвратись
к Славянам
в Македонию, спаси
их >пространное слово<
от иноречия, от празднословия
сотвори одно из твоих
преславных чудес

чтобы стало Слово македонское
чудотворным
стало животворным
стало добротворным
стало плодотворным
стало благотворным,
просвети, сплоти, исцели
чтобы дожило, пережило, выжило,
чтобы Было!»

Играчка

„Е, езеро, еСеро, енсеро
ене го сирка, се зари
богот Се на небото
се зори белината,
пука сирка и просирка
огледало во огледало
се с’рцали, се, сврти се,
види го кај се фаќа себеси
во езерото, небаре кадар
на сакрален објектив
како Нарцис осарен, просирен,
свиден Теос од Теово, од
маслиновата Горица голо
опулено богумило
вѐдро огледало
колку повисоко толку подлабоко
Суни Заум, Сеум, Се Ум

Сесвидетелот ни е везден
на врв на јазикот
а јазикот се ведне под сабјата
се витка под камшикот
се врти вретеното
фрчи фурката
имаме сè уште Ние –
врат за сечење
прекар за крстење
име за помнење.“

Игра

«О, озеро, озерко, озерцо
вон оно зарницей зарделось
бог зримо озаряет
еба белизну
лопнуло звонко звеня
зеркало в зеркале
созерцает, повернись
увидь его как оно схвачено
в озере будто в кадре
в сакральном объективе
как Нарцисс озарено, прозрачно
заявно Бог из Богово, из
оливковой Рощицы
широко раскрыло глаза
богу милое ясное зеркало
чем выше, тем глубже
Звенит Заум, Всеум, Се Ум

Всесвидетель наш весь день
на кончике языка
а язык склоняется перед саблей
вьется под кнутом
вертится веретеном
ужом вьется
есть еще голова
чтобы рубить,
кликча чтобы крестить
имя чтобы помнить».

Скршени, набожни

„Повеќе немаме слобода како
некогаш што сме имале
сме станале сенка
на сенката на животот
јазик кој се заборава
од што не се зборува

лишени од заблуди
од себе лишени
од магијата на првобитната
радост лишени
од право на живот лишени

уморни од закани и од закони
од морање и од морали
од трпење и од трпение

скршени Господе
божем неверни, а набожни
неповратно скршени
совршено скршени
болни на смрт

Сломлены, набожны

«У нас больше нет той свободы какая
когда-то у нас была
мы стали тенью
жизненной тени
языком который забывается
оттого что избывается

лишенные заблуждений
лишенные себя
лишенные магии
первобытной радости
лишенные права на жизнь

уставшие от рисков и от исков
от обязанностей и от обязательств
от терпения и от терпимости

сломленные, Господи
будто неверующие, а набожные
безвозвратно сломленные
совершенно порушенные
больные смертью

шушкаме во зборовите

исушеното лисје се рони дребно
сув крш, кршшшшшшшшшшшш
шшшшшшшттт
псссссссссссссттт

-----“

шелестим словами

иссохшие листьа опадают потихоньку
сухо шурша, кршшшшшшшшшшшш
шшшшшшшттттттт
псссссссссссссттттт

-----”

Белиот свет

Белый свет

Амам: промена на смислата

„Не кога ќе влезеш
и кога ќе те записне врел
и непросирен воздух

не кога ќе те поклопат
капките разлеани по ѕидовите
реата, мермерот, мрморенето

не кога ќе те обземе вртоглава
зашеметеност од празнината
на амамот, полна пот, плот и пареа

не кога ќе те погоди, како отсјај во сон
светлината подадена низ розетата
дозирано, од високо

не додека студеното сонце – иње
од карши ги облагородува
дрвјата, релјефите, порталите
фасадите на сараите

туку
кога ќе влезеш гола во гротлото
ко крвава рожба во исцедокот
од водолијата

Хамам: изменение смисла

«Не кога войдешь
и тебя обдаст горячим
и непрозрачным воздухом

не кога тебя накроют
капли разлитые по стенам
смад, мрамор, бормотание

не кога тебя охватит кружащее голову
ошеломление от пустоты
бани, полной пота, плоти и пара

не кога на тебя попадет как отблеск во сне
дозированный свет
из розетки под потолком

не кога холодное солнце – наледь
издалека облагородит
деревья, рельефы, ворота
фасады дворцов

а тогда
когда голой войдешь в кратер
как окровавленное новорожденное дитя
в выжатый сок водолея

штотуку прсната, за да може
да се слизне низ пенцерето
на животот
право во царството
на немилосрдноста

кога збунетото тело ќе помисли
дека секое друго место е подобро
ама ќе остане и понатаму –
таму кај што жуга

кога ќе ја осетиш жешката вода како
оддалечување од секојдневието
од агонијата на распадат
(целото е мислена именка
далечно минато)

кога ќе се престориш
течен заборав, божји благослов
и ќе му се предадеш на телото
мислејќи –
си ѝ се предала на психата
на егзотичното прелевање
на смислата, сè додека не се
претвориш во прелив
како таков

кога ќе се испреплетат значењата
едни со други
и ќе се испретурат во кошницата

чуть сбрызнутой, чтобы можно было
проскользнуть через окошко
жизни
прямо в царство
немилосердности

когда сбитое с толку тело сочтет
что в любом другом месте лучше
но и дальше останется –
там где оно крепнет

когда ощутишь горячую воду как
отдаление от буден
от агонии распада
(целостность вымышленное слово
далекое прошлое)

когда превратишься
в жидкое забвение, божье благословение
и предашься телу
думая –
что ты предалась душе
экзотического перетекания
смысла, пока не
превратишься в переток
как таковой

когда переплетутся значения
одни с другими
и сольются в корзину

на светогледот
а ти ќе тргнеш во потрага
по почетокот

кога ќе сфатиш –

Визант е капија во темните агли
на памтењето
цела епоха е втисната
како анадолиска крпенка
во обичните зборови од твојот
мајчин јазик
во интимата на јазикот
и се спровира низ капијата
кон кујната, дневната
и спалните – дома
кај што по извесно време
по извесна стварност
трагата се забошотува
сродството се изобличува

јазикот има свои потреби
како и телото
сфаќаш и тонеш во без-сознание
зад јазикот, отаде
нека почека ако чека ...“

мировоззрения
а ты отправишся на поиски
начала

когда поймешь –

Византия ворота в темные углы
памяти
целая эпоха заткнута
как анатолийская тряпка
в обычные слова твоего
родного языка
в самые глубины языка
и продирается сквозь ворота
на кухню, в гостиную
и спальню – домой
где спустя некоторое время
после некоторой действительности
след теряется
родство теряет свой облик

у языка свои потребности
как и у тела
понимаешь и тонешь в бес-сознании
за языком, по ту сторону
пусть подождет коль ждет...»

Стамбол: 'Црвено јаболко'

„Твоите порти, твоите бедеми
ги мапираат парадоксите
на владеењето, некогаш и сега

Царев-двор, Јаболко на светот
румено јаболко на похотата
трага која потсетува, сочно:

седиштето на православието
е децентрирано
светот се разорува
границите се менуваат
нема опстанок без конверзија
без мим, без мимикрија
и кога е избор, и кога е принуда!

Со тек на време
разликите бледнеат
се складираат ко нејасни шифри
во ферманот на меморијата
во меандрите на смислата
во улиштата на јазикот –
нашата колективна меморија, ама

и таа бара неџа, небаре е жена –
жив јазик кој, и кога заборава не
престанува да се сеќава

Стамбул: <Красное яблоко>

«Твои ворота и крепостные стены
кроки парадоксов
царствований, бывших и нынешних

Царев двор, Яблоко света
румяное яблоко желания
след который напоминает сочно:

средоточие православия
децентрализовано
мир рушится границы меняются
не просуществуешь без перемен
без мима, без мимикрии
и по выбору, и по принуждению!

С течением времени
различия стираются
складываются неясными кодами
в фирмане памяти
в меандрах смысла
в ульях языка –
нашей коллективной памяти, но

она требует ухода, будто женщина –
живой язык который, даже забыв
не перестает помнить

Стамболе, Граду на царувањата
Престолнино на опсадите

ми доаѓа да ти кажам
хармонијата е бесконечен
пат околу конечноста
мечта која ти дава идентитет
складиште на неискажани
зборови, легло на погледи
гестови и флуид сенка која
бега бестрага
сенка на невидливото
сенишна Сенка.

Ми доаѓа да ти пишам
бело писмо на црна книга

мечтата е почва која се
лизга од дното до тлото

мечтата е сенка на Светот кој
исчезнува и прави 'ршум
зад себе, мечтата е сенка
на Светот кој доаѓа
мит и митарење
мито за биднината
лихва за минатото.

Но, еве, ме фаќа сафра од неправди
и ти велам, сетно, да се сетиш:

Како што старееш, ти си сè повеќе Ти.
Што било, пак ќе биде!“

222

О, Стамбул, город царский
Столица осад

мне хочется сказать тебе
гармония бесконечный
путь вокруг конечного
мечта дающая самобытность
кладовая несказанных
слов, ложе взглядов
жестов и флюид тени
исчезающей бесследно
тени невидимого
теневая Сень.

Мне хочется написать
белыми буквами на черной бумаге

мечта – это скользкая почва
от дна до основания

мечта – тень Мира
исчезающего и оставляющего угрозы
за собой, мечта – тень
наступающего Мира
миф и мьтарство
подкуп будущего
расплата за прошлое.

И вот, мне надоела неправда
я говорю тебе внятно, чтобы ты понял:

Старая, ты становишься все более С собой.
Как было, так и будет!»

223

Стамбол: град-во-град

Судбина ли е, наум ли е
имињата да ти се менуваат
бедемите да остануваат
– град во градот
– историја во историјата?

Колку татковци имаш
колку крстители, Граду –
за да бидеш едновременно
и Визант, и Константинопол, и Истанбул,
и Цариград, и Втор Рим, и Висока порта,
и Црвено јаболко, и Василеус Полис –
за да бидеш Стамбол
нашиот Стамбол –
нашиот фатален ферман
нашата слобода во ропството
ропство во слободата

за да бидеш нашиот
символичен и стварен
почеток-и-крај на светот
за да бидеш тука, а не тука
за да бидеш несовершен заборав
јазик во нашиот јазик!

Стамбул: город-в-городе

Судьба ли такая, задумано ли так
что твои названия меняются
а крепостные стены остаются
- городом в городе
- историей в истории?

Сколько отцов у тебя,
сколько крестных, о, Город, –
чтобы ты был одновременно
и Византием, и Константинополем, и Стамбулом,
и Царьградом, и Вторым Римом, и Высокой Портой,
и Красным яблоком, и Василевуса Полисом –
и был Стамбулом
нашим Стамбулом –
нашим фатальным фирманом
нашей свободой в рабстве
рабством в свободе

чтобы ты был нашим
символическим и действительным
началом-и-концом света
чтобы был тут, и не тут
был нашим несовершенным забвением
языком в нашем языке!

Во твоите царски прекари
спомени се слеваат
како вода во бездна

о, ненаситно сеќавање
ало, згусната енергија, време
наше време, туѓо време!

Ти велиш: лекцијата се повторува,
парадоксите царуваат:

*Ниш̄то не се менува кога се менува.
Ш̄то се заш̄ворило, њак ќе се ош̄вори.*

В твоих царских названиях
память стекает
как вода в бездну

о, ненасытная память
алая, сгустившаяся энергия, время
наше время, чужое время!

Ты твердишь: уроки повторяются,
парадоксы царят:

*Нич̄то не меняе̄тся, когда меняе̄тся.
Ч̄то закрылось, вновь ош̄крое̄тся.*

СТИХИЈА

1. Леб со паричка

На денот на Стара нова
Месам *леб со ѝаричка*
домот ми мириса на жито и квасец
на *Музика и ѿишина**
ама светот не е само мојата дома
денес има име, името му е Port-au-Prince
име пристаниште, пристан на несреќата место кај што
Некој без анестезија ампутирал делови од човештвото
одеднаш, офф, одеднаш;

Слушам ли, или ми се привидува
додека го дешифрирам
писокот на градот
– рев над земјата, рев под земјата
– *ѿокој, рци, јад, га,*
тоа е Ад на земјата
еве, пак се кине кај што е тенко;

Печам леб од 'рж и јачмен
а Хаити врие, мириса на жешко
жеже во рерната, Хаити
жиш, иш на животот

* Роман на Роуз Тремејн.

СТИХИЈА

1. Хлеб с монеткой

В день Старого Нового года
я замешиваю *хлеб с монеткой*
в доме пахнет зерном и дрожжами
*Музыкой и ѿишиной**
но мир это не только мой дом
сегодня у него есть имя, имя его Port-au-Prince
имя-пристань, причал несчастья
место где Кто-то без анестезии
ампутировал часть человечества
одним махом, ах, одним махом;

Правда ли я слышу, или мне кажется
что я расшифровываю
плач города
- крик над землей, крик под землей
- *ѿокой, рцы, јад, га,*
это Ад на земле
опять рвется там где тонко;

Пеку хлеб из ячменя и ржи
а Гаити кипит, пахнет жаром
жарит в духовке, Гаити
пекло, жизни каюк

* Роман Роуз Тремејн.

иш на живеалиштето, иш пријатели
иш среќо, иш по иш ништо
само хаос, паничен хаос
со-хам, со-хам, ха-ос, ха-ос

мантра за Порто Пренс
градот кој повеќе не е тоа
пор-то, пор-то, пор-то
оска на хаосот
екстаза на хоророт.

кајок жилищам, кајок друзьям,
кајок счастью, всему кајок
только хаос, панический хаос
со-хам, со-хам, ха-ос, ха-ос

мантра Порт-о-Пренса
города которого больше нет
пор-то, пор-то, пор-то
ось хаоса
апогей ужаса.

2. Ден потоа

Сега, кога нема време за живот
а не за обред
градот се претвори во депонија
луѓето во живи мртовци

видов како се одмилува животот
а смртта станува помалото зло, Виј
Хаити, пор-то-ха-ос, пор-то-ха-ос

Лебот се зари во Македонија
паричката му се падна на Господ

го кршам по урнатините
и го делаам на гладните
за да се озарат како изгрев
и кажувам молитва, маја за жедните

оти молитвата е вода, слатка вода
обично нешто, сосема обично нешто
кога го има, ама кога го нема
како што го нема понекогаш
тогаш е сè
и божество, и демон

се молам да бидеш повторно
обично пристаниште

2. На следующий день

Сейчас, когда нет времени для жизни
а не то что для обряда
город превратился в склад
людей живых мертвецов

я видела как жизнь становится немила
а смерть меньшим злом, Виэм
Гаити, пор-то-ха-ос, пор-то-ха-ос

Хлеб делится на счастье в Македонии
монетка достается Господу

я ломаю его на ломти
и раздаю голодным
чтобы они засияли как восход
и читаю молитву, закваску для жаждущих

ведь молитва – вода, пресная вода
обычная вещь, совсем обычная
когда она есть, а когда ее нет
если ее нет
тогда все
и божество, и демон

молюсь чтобы ты стал опять
обычным портом

да бидеш град, се молам
а лебот ми се лепи на зборовите
и оди понатаму

оди кај што Господ
заборавил да оди.

стал городом, молюсь
а хлеб приклеивается к словам
и идет дальше

идет туда куда Господь
позабыл сходить.

3. Нема милост, Порто-Пренс

Ти ли си тоа место кај што Господ
задремал зад вселенскиот волан
и го цитнал градот во бездна
небаре е лавина, небаре гаволска стихија?

Ти ли си тоа пристаниште
кај што ужасот нема крај
кај што нема магично стапче
кај што и Ништото би било привилегија
наспроти оној групен портрет на
стравот, на избезуменоста и
разнебитеноста
на Мунк и Хичкок
на Герника и Гвантанамо?

Ти ли си тоа овдешно место
со неовдешни нешта
од овој свет
ако е тоа, воопшто, свет
прашувам
ама не чекам одговор.

3. Без милости, Порт-о-Пренс

Не это ли место где Господь
задремал за вселенским рулем
и швырнул город в бездну
будто лавину, будто дьявольскую стихию?

Не это ли та пристань
где ужасу нет конца
где нет волшебной палочки
где даже Ничто было бы привилегией
по сравнению с этим групповым портретом
страха, безумия и
отчаяния
Мунка и Хичкока
Герники и Гуантанамо?

Не это ли здешнее место
с чем-то нездешним
от сего света
если это вообще свет
я спрашиваю
но ответа не ожидаю.

Катица Ќулавкова (Велес, 1951) е поет, книжевен теоретичар, херменевт, есеист, препејувач, антологичар. Работи како професор по теорија на книжевноста, по книжевна херменевтика и по креативно пишување при Катедрата за општа и компаративна книжевност на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје. Редовен член на МАНУ е од 2003 и потпретседател на Меѓународниот ПЕН од 2008 година. Основач е на повеќејазичната електронска едиција Разноликост/*Diversity*. Избори од нејзината поезија и поетски книги се преведени на повеќе јазици (англиски, француски, руски, шпански, бугарски, српски, романски, италијански, португалски, турски, холандски, германски...).

Автор е на книгите поезија: *Благовесџи* (1975), *Акџи* (1978), *Нашиот согласник* (1981), *Нова џош* (1984), *Жегби, џресџајни џесни* (1989), *Домино* (1993), *Изџон на злоџо* (поетска драма, 1997), *Меџусвеџи* (2000), *Слеј аџол* (2004), *Тенок мраз* (2008), *Ераџо* (2009), *Голо око* (2010), *Бришан џросџор* (2011), *Коџа ни џореше џод нозете* (2013). Ги има објавено збирките кратки поетски раскази *Друџо време* (1989) и *Autopsia* (2006). Автор е на теориско-есеистичките книги: *Фиџураџивниот џовор и македонскаџа џоезија* (1984), *Сџајка и оџсџајка* (1987), *Одлики на лирикаџа* (1989), *Койнеџ џо сисџем* (1992), *Поџход и исход* (1996), *Камен искушџишел* (1997), *Теџраџки* (1997), *Теорија на книжевносџа – увод* (1999), *Мала книжевна џеорија* (2001), *Поџшка лирика* (Белград, 2001), *Херменевџика на иџенџиџеџи* (2006), *Теорија на книжевносџа* (2008), *Демонот на џолкувањеџо* (2009), *Задоволсџиво во џолкувањеџо* (2009), *Македонски искушенија и друџи оџледи* (2012). Приредувач е на книгите: *Теорија на инџерџексџуалносџа* (2003), *Поџшка и херменевџика* (2003), *Балканска слика на свеџот* (2006), *Поимник на книжевнаџа џеорија* (2007), *Инџерџреџаџии – Умеџносџи и насилсџиво* (2008), *Меморија и умеџносџи* (2009), *Црна Арајина како фиџура на меморија* (2010), *Нови џоими на книжевнаџа џеорија и херменевџика* (2011), *Црни овџи* (избор од светскиот расказ, 2012), *The Art of Dance* (2008), и др. Има подготвено неколку антологиски избори од македонската книжевност (расказ, поезија и есеј) и критички изданија на неколку македонски писатели. Пасии: астрологија и уметничка фотографија.

Катица Кјулавкова (Велес, 1951) – поет, теоретик на литературата, херменевтик, есеист, преводчик, составительница на антологии. Професор на кафедрата за општо и сравнително литературоведение на Филолошкиот факултет им. Блаже Конески на Универзитетот Скопје, предава теорија на литературата, литературна херменевтика и литературно творчество. Действителен член на Македонската Академија на науките и уметностите од 2003 година. Вицепрезидент на Меѓународниот ПЕН-клуб од 2008 година. Основател на многоязычното електронско издание *Разноликост/Diversity*. Їе поэтичките зборници и одделни стихотворенија преведени на неколку јазици (англиски, француски, руски, испански, болгарски, српски, румунски, италијански, португалски, турски, холандски, германски и др.).

Автор на поэтичките зборници: *Благовесџи* (1975), *Акџи* (1978), *Наши согласни* (1981), *Нови џош* (1984), *Жажда, џресџујни џесни* (1989), *Домино* (1993), *Изџание зла* (поетска драма, 1997), *Меџдумирје* (2000), *Слејот уџол* (2004), *Тонкиот лед* (2008), *Ераџо* (2009), *Невооружен џвзџад* (2010), *Пусџо џросџрансџиво* (2011), *Коџа у нас џорело џод ноџами* (2013). Објавила зборници на раскази *Друџо време* (1989) и *Autopsia* (2006). Автор на зборници на есеи и научни трудови: *Образна реч и македонска џоезија* (1984), *Сџавка и оџсџавка* (1987), *Оџличје лирика* (1989), *Тоска џо сисџеме* (1992), *Подход и исход* (1996), *Камен искушџишел* (1997) *Теџрадки* (1997), *Введение во џеорија на лиџераџура* (1999), *Крајна џеорија на лиџераџура* (2001), *Поџшка лирика* (Белград, 2001), *Херменевџика на индивидуалносџи* (2006), *Теорија на лиџераџура* (2008), *Демон на инџерџреџаџии* (2009), *Удовлеџворенносџи во инџерџреџаџии* (2009), *Македонски искушенија и друџи очерки* (2012). Она е редактор на книгите: *Теорија на инџерџексџуалносџи* (2003), *Поџшка и херменевџика* (2003), *Балканска карџина на света* (2006), *Глосарџи џеорија на лиџераџура* (2007), *Инџерџреџаџии – Искуссџиво и насилсџе* (2008), *Искуссџиво и џамаџиш* (2009), *Черниот арај како фиџура џамаџиш* (2010), *Нови конџеџии џеорија на лиџераџура и херменевџика* (2011), *Черни овџи* (зборник на светскиот расказ, 2012), *The Art of Dance* (2008) и др. Подготвила неколку антологии на македонска литература (расказ, стихови и есеи) и критички изданија на неколку македонски писатели. Хоби: астрологија и уметничка фотографија.

*Алла Г. Шешкен: Во ѝоѝраѝа ѝо среѝа и хармониѝа /
Алла Г. Шешкен: В ѝоисках счасѝѝа и ѝармониѝи..... 6–7*

СТАПИЦА / КАПКАН

<i>И Од сон во сон / И Оѝ сна к сну</i>	18–19
Ти кажав, конечно Я сказала тебе, наконец.....	20–21
Не знам кој ѝавол ме натера / Не знаю каково дѝявола	22–23
Беше ноѝ на Сина месечина / Была ночь Синей Луны.....	24–25
Одевме долж бедемите / Мы шли вдоль крепостной стены	28–29
Би го живееле секоѝ своѝот живот / Мы так бы и жили каждѝй своей жизнью	30–31
Одвреме навреме / Время от времени.....	32–33
На овие висини кислородот е редок / На этих высотах воздух разрежен.....	34–35
Во оваа фикциѝа / В этом сне	36–37
„Колку смеам да те потрошам?“ / «Сколько тебя мне можно потратить?»	40–41
Само еден гест одлучува / Всего один жест решает	42–43
Кого тешиш / Кого утешаешь	44–45
Вешти во немуштото поттурнување / Искусные в немом подталкивании	46–47
Краѝот ни се измолкна, изгледа / Конец похоже, отодвинулся	50–51
Тогаш се случи чудо / И тут случилось чудо	52–53

Преминуваѝќи од сон во сон / Переходя от сна к сну	54–55
Ќе те носам на раце, но ќе те однесам / Я понесу тебя на руках, отнесу	56–57
Не знам во кој сон по ред, но ме убеди / Не знаю в каком по счету сне, но ты меня убедил	58–59
„Пак ли ќе си одиш?“ / «Ты опять уходишь?»	60–61
Во сонот барем е нормално / В порядке вещей что во сне	62–63
Враѝаѝќи се дома со празни раце / Возвращаясь домой с пустыми руками	64–65
Приказните се повторуваат / Истории повторяются	66–67
Веќе се будам / Просыпаюсь	68–69
Од силниот земѝотрес пукаат / От сильного землетрясения трескается	70–71

СТАПИЦА / КАПКАН

<i>И Мама и ѝаѝѝо сѝѝрансѝѝвувааѝѝ / И Мама и ѝаѝѝа сѝѝрансѝѝвующѝѝ</i>	72–73
По пат наидов на Мама / По пути я столкнулась с Мамой	74–75
„Ќе се изгориш“, вели маѝка ми / «Сгоришь», говорит мама	76/77
Тато е тука, ама не се меша многу / Папа здесь, но он не слишком вмешивается	78–79
Некоѝа ѝанса го ѝаде Тато / Какая-то лихорадка съедает Папу	80–81
‘Колку пати се умира во животот?’ / >Сколько раз умирают в жизни?<	84–85
Моѝата Мама веќе седнала / Моя мама уже сидела	86–87
Сѝ што набавив за дома / Все что купила для дома	88–89
Сѝ уште се враѝам дома / Я до сих пор возвращаюсь домой	90–91

СТАПИЦА / КАПКАН

III Под ойворено небо / III Под ойкрыйым небом 92–93

Нè обезде јанса / Нас охватил страх 94–95

Ми доаѓа да ти напишам писмо / Я решила
написать тебе письмо 96–97

Ќе ти го парафразирам пишаното /
Я перефразирую написанное 98–99

Премногу е апстрактно / Слишком абстрактно 100–101

Само уште алузиите ни останаа / Только аллюзии
все еще 102/103

МЕЛАНХОЛИЧНИ ПЕСНИ /

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ ПЕСНИ 104–105

Melancholia: филм од XXI и гравура од XVII век /

Melancholia: филм 21-го и гравюра 17-го века 106–107

Зазор / Страх 108–109

Мистичен страв / Мистический страх 112–113

Трема / Тревожность 116–117

Паника / Паника 118–119

Признаци / Признаки 120–121

Таа, Матери / Она, о, Мать 122/123

Исповед / Исповедь 126–127

Мантра / Мантра 130–131

Заблуда / Заблуждение 132–133

Апсолутен слух / Абсолютный слух 134–135

Мојата песна / Моя песня 136–137

Мера за безмерност / Мера безмерности 138/139

Ода на слободата / Ода свободе 140/141

Надејта умира последна / Надежда умирает

последней 144–145

Сол и вода / Соль и вода 148–149

Обред на прочистување / Обряд очищения 150–151

Блаженство / Блаженство 154–155

ДОМЕ, СЛАДОК ДОМЕ / ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ 158–159

Дивите коњи на Галичица / Дикие кони галичицы 160–161

Мирисите на Папрадиште / Запахи Папрадища 164–165

Св. Ѓорѓи ја убива ламјата / Св. Георгий убивает

дракона 168–169

Медитација на тема езеро / Медитация на тему

озера 176–177

Амфитеатрално / Амфитеатральное 180–181

Театар на сенки / Театр теней 184–185

Кревка Дома / Хрупкий Дом 186–187

Фатени во стапица / Пойманные в капкан 188–189

Балканска дробка / Балканская дробь 192–193

Да имаш, па да немаш / Ирония 194–195

Монета за раскусување / Разменная монета 196–197

Растур куќа / Дом вверх дном 198–199

Агонија / Агония 200/201

Втора 'азбучна молитва' / Вторая >азбучная

молитва< 204/205

Играчка / Игра 206–207

Скршени, набожни / Сломлены, набожны 208–209

БЕЛИОТ СВЕТ / БЕЛЫЙ СВЕТ 212–213

Амам: промена на смислата / Хамам: изменение

смысла 214–215

Стамбол: 'Црвено јаболко' / Стамбул: >Красное

јаболко< 220–221

Стамбол: град-во-град / Стамбул: город-в-городе 223–225

Сѝихија / Сѝихия 228–229

1. Леб со паричка / 1. Хлеб с монеткой 228–229

2. Ден потоа / 2. На следующий день 232–233

3. Нема милост, Порто-Пренс / 3. Без милости,

Порт-о-Пренс 236–237

Белешка за авторот / Об авторе 238–239

CIP – Каталогизација во публикација
Национална и универзитетска библиотека „Св. Климент Охридски“,
Скопје

821.163.3-1

821.163.3-1.09 Кулавкова, К.

КУЛАВКОВА, Катица

Кога ни гореше под нозете / Катица Кулавкова = Когда у нас
горело под ногами / Катица Кюлавкова ; [превод од македонски
на руски Олга Панкина]. – Скопје : Poetiki, 2013. – 243 стр. ; 20
см. - (Колекција Разноликост на меѓународниот ПЕН = Коллекция
многоликость международный ПЕН-клуб ; т. 7 = Diversity collection
of PEN international ; vol. 7)

Песни напоредно на мак. и рус. јазик. - Во потрага по среќа и
хармонија ; В поисках счастья и гармонии / Алла Г. Шешкен: стр.
7–17. – Белешка за авторот: 238-239

ISBN 978-608-4609-07-0

1. Насп. ств. насл. - I. Кюлавкова, Катица види Кулавкова, Катица
а) Кулавкова, Катица (1951-) – Поезија – Критики и толкувања

COBISS.MK-ID 93677578

Изданиево материјално е помогнато од Министерството
за култура на Република Македонија.